

ИГОРЬ ЕВТИШЕНКОВ

РИМСКАЯ САГА

ЗА ВЕЛИКОЙ СТЕНОЙ

Игорь Евтищенко

Римская сага. За великой стеной

«Издательские решения»

Евтишенков И.

Римская сага. За великой стеной / И. Евтишенков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745065-6

Осада столицы хунну на реке Талас закончилась победой китайских войск. Лаций и оставшиеся в живых римляне попадают в плен к китайскому военачальнику, который хочет использовать их в своих целях при дворе Императора. Оказавшись в империи Хань, Лаций сталкивается с новой, непонятной ему культурой, где постоянные интриги и предательства подстерегают его на каждом шагу, поэтому ему приходится забыть о гордости, чтобы приспособиться и выжить в нелёгких условиях странной и пугающе огромной страны.

ISBN 978-5-44-745065-6

© Евтишенков И.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ГЛАВА I. СТРАШНЫЙ ПЛЕН	7
ГЛАВА II. КАРТИНА ДЛЯ ИМПЕРАТОРА	13
ГЛАВА III. СТОЛИЦА ИМПЕРИИ ХАНЬ	17
ГЛАВА IV. РАЗГОВОР С ЧОУ ЛИ	23
ГЛАВА V. ВИЗИТ ЖЕНЫ ИМПЕРАТОРА	25
ГЛАВА VI. НАЛОЖНИЦЫ И ЕВНУХИ	30
ГЛАВА VII. НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА С ИМПЕРАТОРОМ	34
ГЛАВА VIII. НЕПРИЯТНЫЕ НОВОСТИ О ПРАЗДНИКЕ ГОДА	39
ГЛАВА IX. РЕШЕНИЕ ИМПЕРАТОРА И ПОМОЩЬ ГОДЗЮ	42
ГЛАВА X. ПАЛКИ ПРОТИВ МЕЧЕЙ	46
ГЛАВА XI. УРОДЛИВЫЙ СТРАЖНИК ДЛЯ ПОСЛЕДНЕЙ НАЛОЖНИЦЫ	53
ГЛАВА XII. ЗНАКОМСТВО С НАЛОЖНИЦЕЙ МИН ФЭЙ	56
ГЛАВА XIII. СПАСЕНИЕ С НЕПОНЯТЫМИ ПОСЛЕДСТВИЯМИ	61
ГЛАВА XIV. «ПЕРСИКОВАЯ РОЩА» В ДОМЕ ГУБЕРНАТОРА БАО ШИ	64
ГЛАВА XV. ШКУРЫ И КАРТЫ – СЛУЧАЙНОЕ ОТКРЫТИЕ	67
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Римская сага За великой стеной

Игорь Евтишенков

Дизайнер обложки Сергей Борисович Гусев

© Игорь Евтишенков, 2023

© Сергей Борисович Гусев, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-4474-5065-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

Идея этой книги основывается на реальных исторических событиях, а также ряде исследований Дэвида Харриса и Х. Дабса, которые установили, что в I веке до н.э. на территории провинции Гуаньсу был построен город Лицзянь, что соответствует китайскому названию Рима. Такое же название встречается в списке городов, датированном 5 г. н. э. Этот город, предположительно, построили римские легионеры, которые попали в Китай после поражения армии Красса в 53 г. до н. э.

Также сведения о пленных легионерах содержатся у Плутарха в биографии Красса, где он пишет, что парфяне отправили их в город Маргиану или Мерв. Из Мерва те попали к хунну, которые проживали на территории современного Казахстана и Туркменистана. Там легионеры принимали участие в строительстве столицы хунну на реке Талас, в 15 км от современного города Джамбул. В 36 г. до н. э. этот город был разрушен китайским генералом Таном, и римляне оказались в плену в Китае.

Упоминание об этих людях есть и в «Истории ранней Хань» китайского историка Бая. В 1989 г. профессор Гуань Ицюань с исторического факультета Института национальностей, г. Ланьчжоу, представил новые карты, на которые нанес еще четыре города, основанных жителями Лицзяня. Согласно его топонимическим исследованиям, город Лицзянь был впоследствии переименован в Цзелу, что означает «пленники, захваченные при штурме города».

Римская сага. За великой стеной. Том V

Осада столицы хунну на реке Талас закончилась победой китайских войск. Вождя хунну, его семью и приближённых обезглавили, а город сожгли. Лаций и оставшиеся в живых римляне попадают в плен к китайскому военачальнику, который сохраняет им жизнь, чтобы использовать в своих целях при дворе императора. Оказавшись в империи Хань, Лаций сталкивается с новой, непонятной ему культурой и образом жизни. Постоянные интриги и предательства подстерегают его на каждом шагу, и Лацию надолго приходится забыть о гордости и принципиальности, чтобы приспособиться и выжить в нелёгких условиях странной и пугающе огромной страны. Здесь он неожиданно для себя влюбляется и ему отвечают взаимностью. Однако у этой любви нет будущего, и Лаций снова оказывается перед трудным выбором. В итоге, он принимает нелёгкое решение, к которому его подталкивает гибель близких ему людей.

© Евтишенков И. Н., 2015
www.igoreyvtishenkov.com

ГЛАВА I. СТРАШНЫЙ ПЛЕН

З-з-з-з-з... Тонкий, пронзительный звук. То дальше, то ближе. Это — комар. Вот уже совсем рядом. И тишина. Сел... Длинные тонкие лапки перебираются с одного места на другое, крошечное жало непрерывно движется вверх-вниз, тычется между застывшими нагромождениями запёкшейся крови. Ищет. Вот запёкшиеся раны кончаются, и впереди появляется серая пустыня, покрытая неподвижной пылью. Это – кожа. Жало находит свободное место и опускается всё глубже и глубже. Лапки сгибаются, тело опускается вниз и наливается кровью.

Убить... Его надо убить. Кто это сказал? Не слышно. Комар стал значительно толще. Он не может даже взлететь с первого раза. Висит какое-то время в воздухе, пища от сытости и тяжести брюха, пока его не относит в сторону лёгким порывом ветра. Полоска света исчезла, всё вокруг стало чёрным. Перед глазами появилось какое-то пятно. Вот оно стало двигаться в разные стороны, расширяясь, как волны от брошенного в воду камня. Волны расходятся, пропуская его вниз, в глубину. Он летит. Вниз, в бездну. Там ещё чернее, но легко и тихо. Или нет? Кажется, слышны чьи-то шаги. Ровные, мягкие – топ, топ, топ... Кто-то идёт. Долго идёт – топ, топ, топ. Крадётся. Как будто топчется на месте. Слух напрягается, и теперь уже слышен другой звук – кап, кап, кап. Что-то капает. Совсем рядом. Мягко и глухо. Это – капли. Вода? Хочется пить.

– А-а-х-х, – изо всех сил кричит горло, проглотив сухой комок пустоты, а уши слышат только тихий хрип выходящего воздуха. И ещё чей-то голос.

– Лаций? Ты слышишь, Лаций? Ты жив?

Кто это? Чей это голос? Он произносит знакомое имя.

– А-а-х-х, – новый крик разрывает грудь. Это голова попыталась повернуться в сторону, и всё тело ответило резкой ноющей болью. Нет, этого не может быть... Это – боль. Ужасная боль. Везде. Один сплошной комок боли, как будто нет ни рук, ни ног, а только огромный шар страдания. Руки? Ноги? Где они? Неужели это не смерть? Не смерть... Тысячи муравьёв наползают на него, шевеля своими усами и смеются, смеются, потрясая тонкими лапками в воздухе. Их красные животы увеличиваются в размере. Красный цвет закрывает всё вокруг, муравьи шумят всё громче и громче, что-то требуют, повторяя одно и то же слово: «Чиилии!¹» Странно, тоже знакомое слово. Кто это? Кто-то зовёт его:

– Лаций, вставай! Вставай, а то убьют! Слышишь, вставай! – как же больно плечу. Кто-то трясёт его. Неужели он жив? Эта мысль превратилась в громадный колокол, который со всей силы ударил в голове, и все события гулким эхом отразились в очнувшейся памяти.

– Нет, – смог тихо прошептать он.

– Вставай, вставай! У тебя хоть ноги не связаны. Давай! – кто-то толкал его, стараясь изо всех сил. Лаций с трудом приоткрыл глаза и увидел знакомое лицо в ссадинах и кровоподтёках.

– Лукро... – пробормотал он.

– Вставай! – старый друг со стоном поднялся на колени. – Проверят, а потом падай!

– Читшуанг! Шангшкнг!² – донеслось откуда-то сверху. Ноги не слушаются, но всё-таки удаётся подняться...

Лаций с трудом выпрямил колени и ткнулся лбом в мокрую земляную стену, чтобы не упасть. Это была большая яма, где они когда-то хранили первые запасы еды и мёда. Сверху капала вода, рядом протекала река.

В углу по лестнице спустились несколько ханьских солдат и стали проверять пленных. Три человека не смогли ответить на их толчки и удары. Несколько уколов мечом в живот

---

¹ Вставай (кит.).

² Подъём. Поднимайтесь (кит.).

и грудь, чтобы убедиться в смерти, и безжизненные тела уже тащат вверх. Быстро, как всё быстро...

Лукро упал на землю. Руки и ноги у него были связаны. Лаций медленно опустился рядом.

– Что было? – тихо спросил он. – Я не помню.

– Всех хунну убили. Прямо на площади. Женщин с детьми увели. Нас связали и бросили сюда.

– Зенон и Марк?..

– Вон там. Живы. Лежат.

– И всё? А те, кто сдался?

– Не знаю. Думаю, тоже убили. Вместе с хунну. Говорят, по городу тысячи полторы было. Мужчин. Всех порубили, – Лукро говорил короткими фразами. Ему тоже было тяжело дышать. Посиневшие губы с белым налётом потрескались и еле шевелились. Он давно не пил воды.

– Зачем нас оставили? – пробормотал Лаций, но Лукро не услышал вопрос и, отвалившись на спину, устало закрыл глаза.

– Как думаешь, когда убьют? – тихо спросил старый друг.

– Не знаю. Может, сейчас...

– Лаций, это ты во всём виноват, – послышался с другой стороны чей-то голос. – Зачем ты нас сюда притащил? Зачем? Из-за тебя мы все умрём... – человек замолчал, но ответить ему было нечего. – Знаешь, что самое страшное? Это сдохнуть, как крыса, вот в этой яме...

– Тиберий, это ты? – тихо спросил Лаций.

– Да, я... Помнишь Варгонта? Он говорил, что лучше умереть с мечом в бою, чем вот так, как червяк в земле. И никто этого не видит...

– Варгонт был мой лучший друг.

– И мой. Но он умер, как герой, а мы – как рабы в каменоломнях. Ты видел, как убивают рабов?

– Видел...

– А... значит, знаешь... Где наша слава, Лаций? Где Рим, который мы защищали? Мы умрём здесь... и никто там не узнает об этом. Никто...

– Нас будут помнить, ты неправ, – горло с трудом произносило каждое слово, которое отдавалось гулким эхом в голове.

– Самое страшное умирать в неизвестности... не на людях, не перед товарищами с мечом в руках... а так померёшь, как лягушка. Наступили – и всё, сдох, – казалось, Тиберий уже разговаривает сам с собой, не слушая его ответы. – Ненавижу... Ты тоже боишься? Да? Придут сейчас, ткнут мечом, и ты умер. Нет, не хочешь? Боишься? Тогда вставай, покажи, что ты живой...

Сверху действительно раздались крики солдат, и вниз снова спустили лестницу. Лаций поймал себя на мысли, что тоже не хочет умирать и ему очень хочется пить. Особенно сейчас, когда всё тело ныло от боли, и он не мог даже пошевелиться, чтобы защитить себя. Его голова и мысли существовали отдельно, и боль вместе с жаждой побеждали былую гордость.

Так прошёл ещё один день после сражения. Приближалась вторая ночь. Первую он уже позабыл – так, несколько пятен в памяти, не более. Всё это время им не давали ни воды, ни еды. Это был верный признак того, что их скоро убьют. На трупы воду не тратят. Устав смотреть в небо, Лаций перевернулся на бок и замер. Солнце давно опустилось за горизонт, и теперь неприятная прохлада вместе с туманом стала наполнять их яму, как вода. Сначала она казалась приятной, но потом сырая земля постепенно стала вытягивать из него тепло. Он попытался встать. Острая боль пронзила оба колена, и Лаций со стоном повалился лицом в грязь. Перевернуться не было сил. В этой могильной яме уже чувствовалось дыхание смерти. Все лежали, не шевелясь, и безвольно ждали своей участи, как животные. Они не сопротивлялись, постепенно погружаясь в состояние вялого безразличия.

Когда чьи-то руки подняли его вверх, Лаций даже не открыл глаза. Ему было всё равно. Его куда-то тащили, ругали, пинали, а потом даже развязали руки. Кисти и пальцы не шевелились. Он лежал у провала в стене. Рядом никого не было. Под шею попал камень, голова откинулась назад, и звёзды в глазах, сначала такие яркие и близкие, стали медленно кружиться и тухнуть.

Жгучая боль в руках привела его в себя. Плечи, локти, кисти и ладони – всё горело и чесалось, как будто их окунули в кипящее масло. Тысячи иголок пронзали всю кожу. Боги посылали ему вместо смерти мучения, которые он не мог вытерпеть. Неужели в пустыне под Каррами было легче? Вряд ли. Но там не было такого отчаяния и пустоты. Тогда ещё сохранялась надежда, что его, как легата, найдут, выкупят, обменяют, не бросят...

Мимо проехала повозка с телами. Их везли в город. Значит, будут сжигать. Что ж, разумно. Там много дерева. Всё сгорит дотла. Его тоже туда тащат. Значит, тоже сожгут. Или помучат сначала. Сил дотянуться до меча, торчащего из-под обломка бревна, уже не было. Пальцы дёрнулись и остановились. Как же всё чесалось и болело! Над ним склонилась чья-то тень.

– Та худжж³, – раздался хриплый голос. Лаций открыл глаза и произнёс:

– Мейоу сыванг⁴. Зай нали ни туо во⁵? – из последних сил спросил он, но ханьцы в испуге отшатнулись от него и стали о чём-то быстро переговариваться. От них доносились отдельные слова, но они кружились в голове, не превращаясь в смысл. Наконец, его снова подхватили и быстро принесли в бывший дворец шаньюя. В комнате для прислуги ничего не было. Вообще ничего. Только голые стены и пол. В комнате шаньюя остались стол и старый резной стул, подаренный ему ещё прежним императором. Вдоль стен стояли светильники. Он видел только жёлтые кружочки, которые то и дело отрывались от чашек и перелетали с места на место. Вместе с ними в голове кружился весь мир. Тело опустили на большую шкуру перед столом. Весь пол вокруг был тёмным и пахло кровью. Этот запах нельзя было спутать ни с чем.

– Это он? – спросил мужской голос.

– Да, – коротко ответил женский. Лаций узнал его. Это был голос Чоу Ли.

– О-у-о-х, – из груди вырвался стон, но подняться самому не удалось. Ему помогли, подставив что-то под спину. Было удобно. Сидевший на стуле мужчина говорил отрывисто и резко, и некоторые слова Лаций не понимал. Чоу помогала. Она почти всё переводила на язык хунну.

– Твои люди ничем не отличаются от нас. У них такие же руки и ноги. Внутри такое же сердце. И в голове нет ничего другого. Только другая кожа, – человек кивнул в сторону, и Лаций остекленевшим взглядом уставился на несколько обезглавленных тел своих товарищей в углу. Их разрубили на части, чтобы посмотреть, что у них внутри. – Мы уходим завтра днём. Здесь всё сгорит, – добавил ханец, и Лаций кивнул. Он правильно догадался, почему тела свозили в город. – Чоу говорит, этот город построил ты. Она говорит, ты много знаешь. Скажи, зачем ты мне нужен? – выплюнул последнюю фразу незнакомец, и откинулся назад. В тусклом свете масляных светильников были видны только усы и борода. Тёмные впадины на месте глаз скрывали его взгляд, и всё лицо представляло полукруг из тёмных и светлых пятен.

– Я убил Цзи Юи, – произнёс Лаций.

– Это был ты?! – в голосе нотка лёгкого удивления и только.

– Да, я... Я умею строить и воевать...

– Мы все умеем воевать. Другие умеют строить. Я хочу отрезать твой язык. Ты говоришь, как мы. Но ты не похож на хунну.

– Не надо.

---

³ Он живой (кит.).

⁴ Ещё не умер (кит.).

⁵ Куда вы меня тащите (кит.).

– Ты боишься смерти? – снова насмешка и пренебрежение. Лаций чувствовал, что в голове начинают появляться мысли. Что он мог ответить этому молодому военачальнику? Что до него он уже видел сотни таких, как он, и даже лучше? Нет, этот слишком самоуверен и не поймёт. По голосу слышно, что тому хочется увидеть унижение и страх. Неужели ему было мало убитых хунну? Лаций молчал, впервые понимая, что его храбрость давным-давно уступила место хитрости и изворотливости. Для него сражение было радостью, а не унижением и болью, как сейчас. Может, боги хранили его для насмешки? Что делать, что сказать? Ведь раньше никогда такого не было. Решения всегда принимались быстро и правильно. Теперь же он о чём-то жалел, сомневался и всё время видел себя как будто со стороны. Да, этот ханец был прав – умирать не хотелось.

– Наверное, ты прав. Я боюсь, – наконец, ответил он.

– Хе-хе, – раздался довольный смешок. – Значит, твой слепой друг соврал, что ты ничего не боишься. Ты боишься. Это хорошо. Завтра он споёт вам последнюю песню.

– Павел жив?

– Жив, жив. Он прекрасно поёт. Эй, – позвал он стражников, – уберите его!

– Ты тоже боишься смерти, – произнёс Лаций, тщательно подбирая слова чужого языка и стараясь не потерять сознание. Сильные руки подхватили его и подняли на ноги. Оставалось всего несколько мгновений. – Твой император убьёт тебя. Ты ослушался его. Я это знаю. Выше императора никого нет, – его потянули назад, и он уже на ходу бросил последние слова: – Вспомни, У Цзы казнил своего храброго воина. Храбрый воин нарушил его приказ, сразился с врагами и убил двух воинов. Но У Цзы сказал: «Надо слушать приказы», и храбреца убили, – Лаций сам не знал, почему вспомнил этот рассказ Чоу Ли, но молодой генерал вдруг поднял руку и приказал своим людям остановиться.

– Ты хитрый. Чем ты можешь мне помочь, луома рен⁶?

– Наши воины тоже иногда нарушали приказы, – с трудом переводя дыхание, продолжил Лаций, не веря, что всё ещё жив. – Их тоже приказывали казнить. Но иногда им удавалось спастись.

– Как? – прозвучал короткий и жёсткий вопрос. Лаций посмотрел на Чоу Ли. Та сидела на полу рядом с креслом генерала с таким выражением лица, как будто всё происходящее её не касалось.

– Чжи-Чжи был в империи Хань несколько раз, – продолжил Лаций. – Ему не повезло. Там он допустил несколько ошибок. Однажды на нём было красивое золотое ожерелье. Оно понравилось жене императора. Она сказала это своему старшему внуку. Тот передал слова Чжи Чжи. Чжи Чжи не захотел расставаться с ожерельем. Он не снял его и не передал внуку. Он не поверил ему. После этого император не стал больше общаться с Чжи Чжи и разговаривал только с его братом Хуханье. Говорят, император слушает только свою жену.

– Я снял с твоего Чжи Чжи и его сына два кольца императора. Они очень дорогие. С голубыми камнями. Ты думаешь, что их надо подарить жене императора?

– Нет, – с трудом выдавил из себя Лаций.

– Тогда что? Голову Чжи Чжи? – разочаровано воскликнул генерал Тан.

– Нет, не голову...

– А что?

– Чжи Чжи часто говорил, что император любит большие картины с битвами его воинов. Очень любит.

– Картины? Ты сказал картины? – Чэнь Тан от удивления откинулся назад и замер. Потом посмотрел на Чоу Ли. Та была неподвижна и спокойна, как статуя. – Что ты хочешь

---

⁶ Римлянин (кит.).

сказать? Надо нарисовать большую картину? Нет, это слишком просто. Там не будет императора, не будет его войска.

– А если много... Много картин? Двадцать или тридцать? – Лацию трудно было говорить. – И соединить их вместе? Сначала – атака крепости.. Потом – на стены... Дальше – ворота в огне. А в конце... – он вздохнул, собираясь с силами, – в конце – смерть Чжи Чжи и его семьи. Будет большая картина. Длинная... Она точно удивит императора. Я видел сам... такие картины... не раз. Но сначала надо показать его жене. Она – первая. Тогда она скажет ему. Он не сможет отказать. И пойдёт смотреть. Император слушает свою жену... – больше говорить не было сил, и Лаций уронил голову на грудь.

– Откуда ты всё это знаешь?! Кто тебе сказал? – искренне удивился Чень Тан. Он не знал, что за несколько лет Чоу Ли столько раз рассказывала Лацию об отношениях в императорском дворце, что он даже запомнил некоторые имена важных чиновников. – Ха! Тогда надо в конце поставить всех твоих воинов в нагрудниках и женских платьях, которые вы носите. Да, это удивит императора! Вы будете стоять рядом с картиной и поднимать свои щиты, как здесь! Вот это да, это может удивить императора! – какое-то время Тан молчал, что-то прикидывая в уме. Потом его лицо снова стало хмурым и он, упёршись руками в колени, спросил: – Ты хитрый, луома рен, но кто нарисует такие картины? И так быстро?

– Среди наших воинов есть несколько человек. Они смогут нарисовать их за десять дней.

– Ты покажешь мне этих людей. Пусть нарисуют мне несколько маленьких картин. Я хочу увидеть это сам!

– Конечно... Но... они все в яме. Мы не пили несколько дней. Руки связаны. Надо быстрее их развязать. Руки отойдут... и завтра они смогут рисовать.

– Хорошо. Пусть их развяжут и дадут воды!

– Благодарю тебя, генерал! – выдавил из себя Лаций, помня частые рассказы Чоу про тщеславие ханьских чиновников. Он поймал себя на мысли, что не чувствует унижения. Неужели он перестал быть римлянином, как обещала ему гадалка в Сирии? Наверное, да. Собравшись с силами, Лаций добавил: – Генерал, ты – храбрый и умный воин. Но ещё ты благородный и мудрый человек. Это – большая редкость.

Ответа не последовало. Прозвучали несколько коротких приказов, Лация вывели на ступени и дали чашку с горячим наваром. С трудом держа её дрожащими руками, он припал губами к обжигающей жидкости. Это был мясной бульон! Когда он допил его и поднял глаза вверх, перед ним стояла Чоу Ли.

– Благодарю тебя, – искренне произнёс он.

– За что? – удивлённо спросила она.

– За то, что не связали ноги, – Лаций кивнул на верёвки, которые ещё болтались на руках. – Только руки.

– Ты, что, думаешь, я кого-то просила не связывать тебе ноги? – рассмеялась она. – Я даже не знала, жив ты или нет.

– Жаль. Я думал, это в знак благодарности за то, что я развязал тебя там...

– Нет, наверное, у воинов просто не хватило на тебя кожаных ремней. Говорят, они бросили тебя у стены. Но я не об этом. Генерал Тан приказал тебе собрать все щиты, нагрудники и шлемы, в которых вы сражались. Тебе дадут десять человек. Надо сделать всё завтра утром. Снимайте даже с мёртвых. Потом надо будет сделать их, как новые, чтобы удивить императора и его жену.

– А что с моими людьми? Когда их освободят?

– Их уже развязали. Не волнуйся. Главное, чтобы они действительно умели рисовать.

– Подожди, – попросил он, увидев, что Чоу Ли развернулась, чтобы уйти. – А что с теми, кто сдался? Они живы?

– Хунну – нет, римляне – да. Носят трупы в город.

– Значит, живы, – выдохнул Лаций, и в глазах снова всё поплыло. Он не помнил, где и как провёл ночь, скрипя зубами и постанывая от боли. Сон был гнетущим и тяжёлым. Боги молчали. И только чёрный медальон на тонком кожаном ремешке изредка постукивал по полу, когда его хозяин переворачивался с боку на бок.

ГЛАВА II. КАРТИНА ДЛЯ ИМПЕРАТОРА

На следующий день нарисовать картину не получилось. Руки не слушались. Тиберий и Лукро были одними из тех, кто мог хорошо рисовать.

– Ну что, пришёл в себя? – спросил Лаций Тиберия, который после первой площадки горячего бульона ошалело чесался и дёргал плечами. Жизнь возвращалась в его сильное тело, и взгляд уже стал более осмысленным и цепким. – В яме не умер, так что здесь теперь тоже не умрёшь. Надо нарисовать битву ханьскому генералу. За это он развязал нам руки. Сможете?

– Если вши совсем не стрызут, то сможем, – с остервенением расчёсывая голову, бросил Тиберий. – Только руки, вот, отойдут.

– Я бы ему и ногой нарисовал, если бы ещё мяса дал, – мечтательно протянул Лукро, облизывая свою пустую чашку. Лаций только усмехнулся. Они еле держались на ногах, их всех одолевали вши, но их настроение внушало оптимизм. От маленьких кусачих тварей можно было избавиться при помощи костра. Для этого надо было сходить за ветками для корзин. Тиберий поднял взгляд на Лация и со вздохом произнёс:

– Прости, слышишь? Фурии попутали... Не хотел я там... это говорить. Ладно?

– Понимаю, – скривился Лаций от укуса очередной вши. – Ты ещё говорить там мог. Я вообще языком не шевелил. Ох! – он стукнул себя по затылку и дёрнул головой. – Сволочь такая! Ладно, не могу уже стоять. Надо одежду в костёр быстрее сунуть... и ещё бы побриться.

– Мы веток притащим, а ты тогда пойдёшь нож найди, – предложил Лукро. – Нам никто не даст. Только тебе.

Через два дня они изобразили на одном камне у реки лошадей и людей, на другом – крепость и башни, но всё это было сделано пока только головешками из костра. Чень Тану рисунки понравились, но он хотел, чтобы у него был такой рисунок с собой. Однако ни шкуры, ни ткани подходящего размера и выделки в городе уже не было. Тогда он приказал Тиберию нарисовать то же самое в его дневнике, который вёл с самого начала похода. Огромные руки римлянина, казалось, не могли совладать с тонкой палочкой, однако, сделав несколько неуверенных движений на доске, он смог понять, как делать толстые и тонкие линии, и вскоре в дневнике Тана появился первый набросок сражения на реке Талас. Молодой генерал был очень доволен. Он даже не стал любоваться пламенем над городскими стенами, которое быстро пожирало сухое дерево и собранные на городской площади трупы. На этом особенно настоял странный проводник Годзю, который очень боялся чёрной болезни. Во время перехода они несколько раз сталкивались с её проявлениями.

Когда первые воины с факелами стали обходить разложенную под стенами и домами сухую траву, Годзю бросил в огонь большой лёгкий мешок, который до этого прятал в яме у реки. В нём, тщательно завязанные в несколько небольших узелков, лежали останки хорька, который умер от этой страшной болезни. Если бы осада крепости затянулась, проводник собирался перекинуть его через стену. Так что защитники всё равно были обречены. Но тогда Чэнь Тан не получил бы голову Чжи Чжи и ханьцам пришлось бы отойти от стен при первых же признаках болезни в городе. А потом сжечь его, как сейчас.

Пока Тиберий рисовал лошадей на камне, римляне выполняли приказ Тана – собирали под присмотром насупленных пехотинцев своё снаряжение и оружие. Им удалось найти шлем Лация с гребнем, брошенное древко с деревянным орлом, много мечей и щитов. Но одежды и плащей нигде не было. Тогда они решили сделать их из тех тканей, которые ханьцы вывезли со склада Чжи Чжи. Там было много шёлка. Для осуществления своего плана молодой генерал решил использовать всё, что надо.

Так у Лация появился красный плащ. Он был намного ярче и лучше предыдущего. В итоге, к концу недели были готовы почти сто щитов, копий, накидок, туник, сандалий, шлемов и нагрудных накладок. Удалось найти даже несколько кольчуг.

На одной из стоянок Лукро узнал, что среди взятых в плен женщин хунну видели Саэт. Она оказалась живой. Радости Зенона и Марка не было предела. Они не могли увидеть её, так как женщин увели раньше, но надеялись, что смогут встретиться с матерью во время ночных остановок. К сожалению, ханьцы разделились на два отряда и не давали женщинам видиться с остальными пленными. Говорили, что они все будут проданы в рабство сразу же, как только окажутся за великой стеной, на территории империи. Но всё оказалось не так просто.

Когда воины генерала Тана вернулись в провинцию губернатора Сяо, картины с изображением битвы на реке Талас уже были готовы. Их оставалось соединить между собой и прикрепить к стене. Вместе с ними было подготовлено и всё снаряжение для римлян. Но как это отправить в столицу, Чэнь Тан не знал. Он попал в трудную ситуацию. Ехать самому было опасно. Отправлять старого губернатора Сяо – глупо. Чоу Ли предложила ему другой план: она поедет в столицу к сестре вместе с гонцами Чэнь Тана, которые передадут императору голову Чжи Чжи. Выхода не было, и он попросил её напомнить сестре о письме императрицы. Тан хотел получить его как можно скорее.

В большом доме губернатора Сяо римлян держали в тех больших сараях, где они жили несколько лет назад, когда приезжали сюда вместе с сыном Чжи Чжи. Однажды Лаций увидел Годзю, который приехал узнать о новостях из столицы и жил на окраине города.

– Хэрэв та ромын амид уу?⁷ – с удивлением спросил старый проводник, увидев Лация сидящим у дверей на большом бревне. Посмотрев на два кольца и железный шар, прикованные к щиколоткам, Годзю подошёл ближе.

– Да, жив. Боги зачем-то оставили меня живым, – ответил Лаций. Ему самому было странно, что он до сих пор не умер. – Ты спасал меня столько раз в степи, и вот...

– Это всё твой чёрный круг, – Годзю показал на висевший поверх накидки амулет.

– Может быть, – безразлично пожал плечами он. – Ты теперь с ними? Почему они верят тебе? Ты же был у Чжи Чжи.

– Он убил моего сына.

– Да, ты говорил тогда. В Кангюе.

– Я боялся этого. Я знал, что такое может быть. И отправил второго сына в Чанъань.

– Теперь всё понятно, – протянул Лаций. – Твой сын помог тебе.

– Нет. Он даже не знает, что я здесь. Пока не знает. Он служит у губернатора центральной провинции. Наверное, он уже никогда не вернётся в степь. У него здесь другая жизнь...

Лаций понимал старика, который уже был таким старым, что морщины на его лице превратились в глубокие борозды, а в бороде совсем не было чёрных волос. Жизнь заканчивалась, и ему хотелось уважения и почёта. Они сидели друг напротив друга и вспоминали прошлое. Рассказав Годзю о том, что их вместе с картинами будут показывать императору, Лаций услышал в ответ, что император не любит ни войну, ни двор, ни жену. Больше всего он любит своих наложниц, и две из них уже родили ему детей. Император был умный человек. Но его жена была намного мудрее...

Старик ещё долго рассказывал ему про нравы и обычаи империи Хань, презрительно отзываясь об их армии и военачальниках, которые больше думали о деньгах и доходах своих семей, чем службе. За один вечер Лаций узнал столько, сколько не смог бы, наверное, узнать, прожив здесь даже десять лет. Многие были понятны и знакомы, потому что жизнь римской аристократии не сильно отличалась от жизни губернаторов в провинциях, не говоря уже о столице империи.

---

⁷ Ты жив, римлянин (монг.).

Чоу вернулась через десять дней. В тот вечер в большом доме долго горели ночные светильники, и слуги допоздна не ложились спать, ожидая приказов хозяина и его гостей. На следующий день римлян стали готовить к переходу в столицу империи. Сборы были нехитрыми, и уже к середине дня всё было готово. Большая вереница людей и повозок вышла за стены города. Там все остановились, ожидая губернатора. В это время к Лацию подошли два стражника и отвели его к небольшим носилкам у самой стены. Оставив его одного, они отошли в сторону.

– Подойди, – неожиданно для себя услышал он голос Чоу Ли. Поймав себя на мысли, что ещё способен удивляться, Лаций усмехнулся и медленно приблизился.

– Какая ты стала недоступная! – в его голосе слышалась ирония. Но он до сих пор не мог понять, почему Чоу Ли так резко изменилась, оказавшись среди своих ханьцев. Сначала ему казалось, что она хочет скрыть своё прошлое. Но это было глупо, потому что все знали, что с ней произошло. Чуть позже Лаций стал думать, что всё дело в её статусе. Ведь она была дочерью богатого человека. Может быть, именно это заставило её забыть о благодарности и сделало такой суровой?

Он долго размышлял над произошедшими с Чоу Ли изменениями, но ему даже в голову не могло прийти, что девушка вела себя так, как требовала её культура. Она мгновенно приспособилась к той обстановке, в которой не раз оказывалась. На этот раз, попав в общество генерала Тана, она сразу воспользовалась своим социальным положением. Это требовало соответствующего поведения.

В империи Хань существовало негласное правило, гласившее, что если человек получал новую должность, к нему надо было приходиться и заново знакомиться. С этого момента прошлого не существовало. С Чоу Ли произошло то же самое – она забыла прошлое, чтобы выжить в настоящем. Постоянство здесь было недопустимо. Но Лаций пока ещё не знал об этой особенностях национальной культуры ханьцев и вёл себя как равный. – Послушай, может, возьмёшь меня к себе внутрь? Я же был твоим хозяином. Ты это помнишь?

– Помню. Это было раньше. Сейчас ты... пленник.

– Ну да. И что ты хочешь?

– Мне нужна твоя помощь, – эти слова звучали искренне, но если для Лация это было обращение друга, то для Чоу – хитрая уловка с далеко идущими целями. Чтобы другие не заподозрили её в привязанности к белому рабу и не стали распространять слухи, она специально спряталась в носилках и приказала отойти подальше. Здесь их никто не мог видеть. Но Лаций был так воодушевлён успехом своих переговоров с генералом Таном, что не обратил внимание на такие «мелочи».

– Помощь? – опешил он. – Помощь от пленника? Ты шутишь?

– Послушай, всё может кончиться очень плохо, – и Чоу Ли рассказала ему, что ездила в столицу к сестре. С ней были гонцы от Чэнь Тана. Они передали императору голову Чжи Чжи. Но император не принял её и отказался простить Тана. Императорский совет до сих пор спорит, что делать с Чэнь Таном и губернатором Сяо – простить или наказать. Сестра Чоу и её муж очень надеются, что огромные картины и взятые в плен римляне понравятся императору и он смилостивится.

– Ничего не понимаю. Что ты хочешь от меня? – не понял Лаций.

– Если император не простит генерала Тана и Сяо, их казнят. После этого убьют их родных и близких вместе с их семьями до третьего колена. Это значит, что убьют губернатора Сяо и его двоюродного брата Бао Ши. Моя сестра – его жена! Понимаешь? И... тогда, наверное, убьют и меня... тоже... – в этот момент Чоу не надо было притворяться, потому что она говорила правду.

– Как всё сложно, – покачал головой Лаций. – Понял, что убьют всех.

– Да, так, – с отчаянием произнесла Чоу.

– Жаль. И что же ты хочешь от меня? – повторил он свой вопрос.

Чоу не знала, как подтолкнуть римлянина к благородному поступку. Она хотела, чтобы не пострадала её сестра. Ей казалось, что если император придёт посмотреть на картины, тогда он сжалится и простит Чэнь Тана и губернатора Сяо. И помочь в этом мог только Лаций. Остальные уже использовали свою возможность, «бросили кости и проиграли», как любили говорить придворные императора.

– Сделай так, чтобы императору всё понравилось! – с жаром произнесла она. Лаций долго пытался объяснить ей, что это невозможно и просто глупо что-то требовать от него, закованного в цепи раба, но Чоу умоляла, и чтобы прекратить этот бессмысленный разговор, он согласился. Тогда она стала рассказывать ему о дворе императора и всех важных чиновниках. Лаций почти не слушал её, давно отчаявшись запомнить бесконечные имена и сложные отношения, пока она не вспомнила о любимых наложницах императора.

– Стой! Твоя сестра может поговорить с этими наложницами?

– Да.

– Тогда пусть расскажет им что-нибудь интересное про римлян... Надо, чтобы они пришли посмотреть. Обязательно! Тогда они расскажут это всем. Потом передадут императору, и тот может прийти. Это – единственный шанс. Согласна? Что их может заинтересовать?

– Я думаю... Это сложно. Но я поняла, что ты хочешь. Я должна поговорить с сестрой.

– Поговори, поговори. Ещё нужны будут музыканты. Как у Чжи Чжи. Помнишь, слепой Павел пел с ними?

– Да.

– С такими струнами и литаврами. Надо, чтобы они хорошо играли. Попробуем удивить их песнями. Хотя, этого мало. Надо придумать что-то страшное и ужасное. Такое, чего они никогда не видели. Но мне тоже кое-что надо.

– Что? – напряглась Чоу.

– Ты говорила, что знаешь дорогу на юг, к большому морю. Поможешь мне добраться туда? Я хочу уплыть в Индию или дальше, – он ждал, пока она обдумает его слова.

– Ты... ты... тебя могут убить прямо завтра или сослать на соляные озёра... Я не могу обещать.

– Если император накажет генерала Тана и губернатора Сяо, ты точно уже ничего не сможешь обещать. Если он простит Сяо, всё будет по-другому. Так?

– Так, – вынуждена была согласиться Чоу Ли. Она уже пришла в себя и прекрасно понимала, что ничто не мешает ей сейчас солгать этому наивному белому человеку.

– Тогда ты не допустишь, чтобы меня продали на соляные озёра и поможешь мне добраться до моря. Купишь меня, в конце концов, как раба, и отвезёшь туда сама! – предложил Лаций. Ему казалось, что Чоу волнуется. Он сам бы так себя чувствовал в такой ситуации. Поэтому он решил подождать и дать ей всё взвесить.

– Если генерала Тана и губернатора Сяо простят, я сделаю это! – наконец, прозвучал твёрдый и решительный ответ. Лаций снова вздохнул, но теперь уже с облегчением. Ему хотелось верить, что боги помогут ему, и Чоу Ли не забудет своего обещания. Однако он не знал, что в той цепочке событий, которые он нарисовал в своём воображении и описал Чоу, её спасение было на первом месте, а его – на втором. И выполнять свою часть обязательств в случае его успеха, было для неё необязательно.

Вдалеке раздался сигнал к движению, стражники отвели его обратно, и длинная вереница ханьцев, повозок и пленных римлян двинулась по пыльной дороге в направлении столицы империи. Только носилки Чоу Ли развернулись к воротам и медленно направились обратно в город.

ГЛАВА III. СТОЛИЦА ИМПЕРИИ ХАНЬ

Город поразил Лация своими высокими башнями на стенах и ещё более высокими зданиями внутри. Ему сразу бросилось в глаза, что стены были сделаны из брёвен, а не из камня. Зато ворота были двойными, и при осаде их не удалось бы пробить тараном. Все здания имели по несколько крыш с загнутыми, полукруглыми краями. Они были покрыты черепицей рыжего цвета. У зданий было не четыре, а шесть или больше стен. Окна располагались под самой крышей, и это тоже казалось непонятным и странным. Сами крыши были покрашены в зелёные или жёлтые цвета. Кое-где виднелись тёмно-красные и даже фиолетовые. На краях они заканчивались странными фигурками и красочным орнаментом. Всё это было вырезано из дерева.

Бесконечное количество снующих маленьких людей поражало воображение. Казалось, они были везде. Большая часть горожан, в отличие от других городов и деревень, которые они проходили, носили халаты, штаны и обувь, похожую на закрытые сандалии. Бедных было ещё больше: они носили либо одни штаны, либо просто какой-то кусок ткани, похожий на набедренную повязку или порванную тунику с одним плечом. Обуви у бедняков не было.

В центре города находился ещё один город. За высокими стенами не было видно, что там внутри, но, судя по яркой одежде стражников и всадников, которые ездили вдоль стен, там жили самые главные люди империи Хань.

Всех римлян согнали к центральной площади и там оставили у дальней стены, где располагались длинные одноэтажные постройки. Вся эта затея едва не закончилась плачевно в первый же день. Жара стояла такая, что, разобрав с повозок одежду и снаряжение, они с трудом смогли простоять до полудня. Музыканты, которых нашла Чоу, сдались ещё раньше – они сложили свои инструменты на повозку и отошли в тень склада, откуда их не смог выгнать даже новый начальник стражи. Они смотрели перед собой, открыв рот, и тяжело дышали. Иногда мальчик приносил им воды, и, сделав несколько глотков из деревянной чашки, они продолжали сидеть, как живые мумии с широко открытыми ртами.

Во второй половине дня римляне стали терять сознание и падать. Лаций тоже едва держался на ногах. Десять дней их кормили одним рисом и стручками неизвестных растений, бобами, вымоченным в воде бамбуком и ещё всякими странными овощами и растениями. Римляне уже давно забыли вкус мяса и к вечеру не могли шевелить ни руками, ни ногами.

В тот день Лаций с трудом продержался дольше остальных, но чуть позже полудня был вынужден подойти к начальнику охраны, крепко сбитому молодому человеку по имени Фу Син, и объяснить, что они все умрут, если останутся на солнце. Несмотря на кажущуюся внешнюю суровость и неприступность, ханец оказался умным и отправил их всех под навес.

Картины в тот день так и не развернули. Вечером приехал гонец от губернатора Бао Ши. Поговорив с молодым начальником стражи, он осмотрел склады и пообещал помочь утром. Надо было отдать должное Чоу Ли и тем, кто за ней стоял: с рассветом у края площади стояли триста человек в набедренных повязках. Они очень быстро перенесли около тысячи мешков из складов на повозки и стали разбирать переднюю стену строений. Сделанные из бамбука и замазанные глиной, эти стены напоминали большие щиты, вставленные между десятью опорными столбами.

Вскоре передняя стена исчезла, и внутри теперь можно было войти в любом месте. Лаций прикинул, что там могли поместиться три центурии. Между крайними опорами было шагов десять-двенадцать. Вся длина сарая была не меньше ста шагов. Под навесом разложили коврики из тонких палочек – жёсткие и длинные. Поверх них положили большие ковры. Каждый ковер раскатывали по пять человек. У дальней стены оставалась незакрытая полоса земли, предназначенная, как он догадался, для пленных.

Римляне угрюмо наблюдали за медлительной работой маленьких людей, ожидая, когда они тоже смогут спрятаться под крышей. Наконец, картины закрепили, и всех стали загонять под навес. Там было душно, но всё же лучше, чем снаружи.

Расставив всех по своим местам, начальник охраны Фу Син ещё раз лично проверил кольца и цепи на ногах у римлян, приказав убрать тряпки, которые те обматывали вокруг щиколоток, чтобы железо не растирало кожу до костей. Всем очень хотелось пить, и Лаций попросил воды. Как ни странно, начальник охраны приказал принести несколько мешков. Вода была тёплой, но без кислого привкуса, как раньше. Судя по мешкам, тот поделился с ними своими запасами. Лаций попросил оставить один мешок возле стоявших позади него Павла Домициана и юного Зенона.

Жирные мухи и какие-то насекомые залетали под крышу, жужжали над головами, но, не найдя еды, улетали. Никого, кроме слепого певца, это не волновало. Бедняга ненавидел тот «грязный звук», который издавали эти летающие твари.

Вода ненадолго помогла утолить жажду, но одурманивающая духота давила на голову и постепенно доводила римлян до полного изнеможения: взгляды тускнели и останавливались, лица вытягивались, некоторые не выдерживали и опускались на колени. При этом, музыканты и стражники, даже в нагрудниках, чувствовали себя в тени вполне сносно.

Через некоторое время прозвучала короткая команда и солдаты стали палками поднимать легионеров – приближался какой-то важный чиновник. Десять человек в синих рубашках и белых штанах несли большие носилки. Лаций заметил, что они все были в обуви, в отличие от тех носильщиков, которые были на улицах других городов.

Когда процессия остановилась, стражники согнулись в поклоне. Это приехал генерал-губернатор центральной провинции Бао Ши. Он прибыл в окружении многочисленных слуг, чтобы лично убедиться, что всё готово к приёму императора. Слушая рассказ начальника стражи о битве, он не отрывался от картин, вздыхая и причмокивая губами. При этом, он всё время повторял «Хен хао, хао»⁸, и, дойдя до римлян, остановился напротив Лация. Тот кивнул музыкантам, и вместе с первыми звуками музыки раздались голоса Павла Домициана и Зенона. Это был старый аккадский гимн, который пелся несколькими голосами и очень нравился слепому певцу.

Бао Ши слушал с открытым ртом, а Лаций стоял с непроницаемым видом, ухмыляясь в душе. Губернатор не знал, что они по просьбе Лация специально разучили ещё две ханьских песни и одну мелодию без слов. Но пока было достаточно и этого.

– Сомкнуть щиты! – приказал Лаций, когда пение закончилось. Лукро, которому пришлось стать корницей, поднёс к губам рожок Марцела и протрубил команду. Легионеры сомкнули щиты. – Тескудо! – прозвучала вторая команда. Первая шеренга опустила щиты, вторая приподняла вверх, а третья – накрыла их сверху, скрыв от изумлённого Бао Ши всех легионеров. – Шире интервал! – раздалась последняя команда, и все вернулись на свои места. Впечатлённый увиденным, губернатор отозвал начальника охраны и долго что-то объяснял ему. Огромные рукава со складками спадали вниз до самых колен, хотя он держал руки на груди. Яркий жёлтый воротник блестел на солнце, как будто был сделан из золота. Странный домик на затылке, украшенный настоящими стенами и изогнутой крышей, смешно вздрагивал, когда губернатор качал головой. Казалось, он живёт своей жизнью, отдельно от своего хозяина.

Тем временем, прибывшие с Бао Ши воины и слуги выстроились под палящим солнцем в два ряда. Со стороны императорского дворца раздался металлический звук – два коротких звонких удара. Лацию они напомнили неприятное дребезжание парфянских литавр во время неожиданного наступления катафрактариев. Стражники снова склонились в поклоне, а римлянам, музыкантам и остальным слугам приказали опуститься на колени.

---

⁸ Хорошо, хорошо (кит.).

На этот раз носилок не было. Краем глаза Лаций видел около двух десятков всадников. Они выехали из ворот. Один из них был одет в длинный халат цвета сливы, а остальные – в чёрные с жёлтыми вставками. Всадники остановились возле угла навеса, где их уже ждали губернатор Бао Ши и начальник охраны. Человек в фиолетовом халате показался Лацию знакомым: он уже где-то видел это вытянутое, с впавшими щеками лицо, острую, жёсткую бородку и прямой нос с небольшой горбинкой, такой непохожий на приплюснутые носы остальных ханьцев. Это был младший брат императрицы, Ван Ман. Чоу Ли рассказывала о нём: он был непредсказуемым и резким в высказываниях и решениях. Поэтому его стоило опасаться. Но почему он приехал вместо императора? На этот вопрос Лаций ответа не знал.

Раздалась команда «Тшии-лаай!⁹», и все зашевелились: застучали щиты, кто-то из музыкантов задел струны, и те недовольно задребезжали, пока их быстро не прижали рукой, рядом какой-то слуга громко чихнул и испуганно замолчал. Лукро передал команду выровнять строй, и в дальнем конце сарая, где на картинах начиналась осада города, показался фиолетовый халат с оранжевой полосой от пояса до закрытых сандалий.

Брат императрицы шёл в сопровождении Бао Ши и начальника охраны, который громким голосом рассказывал ему, как всё было. Они остановились всего один раз – напротив горящих ворот. Но по выражению лица высокопоставленного посетителя было непонятно, понравилась ему эта картина или нет. Дойдя до римлян, он скрестил руки на груди и обвёл первую шеренгу внимательным взглядом. Лаций перехватил кивок Фу Сина и кивнул музыкантам. Всё повторилось, как и с Бао Ши – музыка, пение и смыкание щитов. Однако лицо брата императрицы так и осталось неподвижным. Этим он напомнил Лацию лули-князя Тай Сина.

– Что это? – прозвучал короткий и очень неприятный вопрос гостя. Губернатор Бао Ши вздрогнул и, казалось, стал меньше ростом, начальник стражи растерянно посмотрел сначала на римлян, потом на Ван Мана, затем снова на римлян, думая, что он что-то упустил, но говорить раньше губернатора не стал.

– Да, что это? – вдруг повернулся тот к нему и посмотрел с таким наивным выражением лица, как будто сам впервые видел римлян своими глазами. Фу Син с облегчением вздохнул – теперь он мог отвечать.

– Это – луома рен, жители далёкой страны. Они воевали с парфянами. Чжи Чжи купил их. Они защищали его.

– Тогда зачем они здесь? – не меняя интонации, задал второй вопрос узкобородый.

– Они очень сильные и умелые воины, – уже не так уверенно произнёс Фу Син, не зная, что говорить дальше. Видимо, у него не было больше объяснений, что делают здесь почти сто человек, сражавшиеся на стороне заклятого врага императора.

– Разве они могут чему-нибудь научить нас? У них синие лица и волосатые руки. Они выглядят, как трупы из старых могил. Чему могут научить нас эти мертвецы, Фу Син?

– А-а... я даже не знаю... – пролепетал молодой начальник охраны. Лацию было видно, как покраснело его лицо и на шее задёргалась тёмная вена.

– Мы можем научить вас держать меч, – громко и чётко произнёс он, чтобы гость понял его слова. Судя по тому, как говорил этот грозный придворный, его речь отличалась от Чоу Ли и он говорил немного по-другому. Под навесом повисло такое напряжённое молчание, что, казалось, сейчас обязательно должна разразиться гроза или кто-то лишится жизни. Видя, что все окаменели, Лаций добавил: – И не только меч. Мы умеем сражаться мечом и копьём, – он опустил подбородок на грудь, чувствуя, что разорванная подкладка шлема сильно давит на затылок и надо бы снять его, чтобы поправить, но...

– Он говорит на нашем языке?! Кто это? – так же резко, как и в первый раз, спросил Ван Ман, посмотрев на слуг.

---

⁹ Встать! (кит.).

– Это – самый лучший воин, которого я когда-либо видел, – неожиданно громко ответил начальник стражи. Брат императрицы посмотрел на него так, как будто перед ним стоял враг и он хотел убить его своим злым, проникающим в душу взглядом.

– Позовите Ю Лая! – приказал он спокойным голосом, но от его слов толпа слуг качнулась в сторону с такой силой, как будто на них налетел ураган. Все зашептались, поворачивая головы в сторону лошадей, на которых приехали Ван Ман и его люди.

– Ю Лай, Ю Лай, Ю Лай... – эхом разнеслось под крышей навеса, и в проходе показался высокий широкоплечий китаец в чёрном халате с жёлтыми вставками.

– Дайте ему меч! – приказал брат императрицы. Фу Син протянул своё оружие подошедшему воину и отошёл в сторону. Следовавший за ним слуга в чёрном халате размотал белый пояс и прижал один край носком к земле. Другой он зажал в вытянутой руке.

Раздался короткий выдох, и у его ног упали четыре белых кусочка шёлка, а Ю Лай уже стоял, опёршись на меч, и улыбался, как будто это сделал не он. И хотя этот воин не позволял себе проявлять чувства при господине, было видно, что он полон уверенности в своём превосходстве над любым противником. Лаций услышал, как сзади с удивлением хмыкнул Зенон. Улыбка тронула его губы, и он, стараясь оставаться спокойным, сказал:

– Мы не убиваем воздух. Мы убиваем врага, – эти слова произвели на самоуверенного воина больше впечатления, чем на его господина. Он опешил не только от того, что услышал, но и от того, что варвар говорил с ним на его языке. Ю Лай что-то спросил у брата императрицы, тот кивнул в ответ, и тогда он, подойдя к Лацию, со злобой вырвал у него из рук щит. Потом бросил его на землю и разрубил одним ударом. В стороны полетели щепки и медные накладки. Щита больше не было, а на сухой, глинистой земле осталась продолговатая линия от лезвия.

– Дай меч рабу! – приказал Ван Ман.

– Мой господин, прошу тебя, – послышался за его спиной голос начальника охраны...

Брат императрицы повернул голову и посмотрел на него.

– Что?

– Он убил Цзы Юи. Он очень опасен.

Ван Ман презрительно фыркнул и покачал головой.

– Дай ему меч! – повторил он ещё раз и добавил, обращаясь к испуганному губернатору: – Твои воины боятся даже закованного врага?

Ответа не последовало. Начальник охраны Фу Син подчинился губернатору, и Бао Ши грозно нахмурил брови, посмотрев на него с неодобрением. После ухода брата императрицы он мог припомнить ему это самовольство и наказать.

Слуга по имени Ю Лай протянул Лацию меч и, сделав шаг назад, прислонился к столбу, скрестив руки на груди и расставив ноги в стороны. Он кивнул слуге, и тот растянул оставшуюся часть разрубленного пояса перед Лацием.

Меч был уже с зазубринами, и таким лезвием даже при очень сильном желании нельзя было разрубить висящий шёлк. Тем более, что слуга не натянул ленту. Лаций это понимал. Но ещё он чувствовал, что у него просто нет сил, чтобы сделать четыре быстрых, ловких движения.

– Ну? Сможешь повторить? – спокойно и без иронии спросил его Ван Ман.

– Я не убиваю воздух. Я уже сказал, – повторил он.

– Тогда убей его! Убей Ю Лая! – брат императрицы кивнул в сторону прислонившегося к столбу воина. Тот надменно усмехнулся. До него было не более трёх шагов. Преодолеть их одним прыжком было невозможно. Ноги Лация были скованы цепью. Оставалось только одно – прибегнуть к старому испытанному приёму.

– Здесь нет врагов. Он мне не враг, – произнёс он, взявшись рукой за лезвие. Теперь он держал его, как копьё, но на это никто не обратил внимания. – Я не могу убить человека без

оружия, – заканчивая эти слова, Лаций видел, как большой ханьский воин пренебрежительно повернул голову в сторону, как нахмурился брат императрицы, как сжался в комок за его спиной толстый губернатор Бао Ши, как выпрямился начальник охраны Фу Син, видимо, догадавшийся о его намерении, как зашумели слуги за навесом, передавая друг другу эти слова.

Но когда «гроза шёлковых поясов» повернул лицо, услышав звук вонзившегося в дерево лезвия, было уже поздно. Он увидел, что меч торчит в столбе, прямо у него между ног. Пробив халат, тот вонзился в дерево на расстоянии ладони от источника его мужской силы. Лаций покачнулся. Даже на такой простой бросок потребовалось много сил. В глазах снова всё поплыло по кругу: перекошенное от досады и обиды лицо начальника стражи Фу Сина, испуганное лицо губернатора Бао Ши с трясущимися губами и полуоткрытым ртом, беспомощное и растерянное выражение лица у «грозы шёлковых поясов» Ю Лая и неожиданная улыбка на лице Ван Мана, брата императрицы.

– Хороший удар, – покачав головой, ответил он. – Хороший. Ты мог бы его убить.

– Он мне не враг, – ещё раз повторил Лаций. – Я не убиваю людей.

– Ладно... Этому можно научиться. Но нам это не надо. Зачем нам это? Три воина всё равно сильнее одного. Нам не нужны эти люди, – снова произнёс он, обернувшись к Бао Ши.

– Они построили большой город и каменные стены, – не очень уверенно сказал тот, пряча глаза.

– Мы можем построить тысячу таких городов! – гордо бросил ему Ван Ман.

– Но у вас нет мостов, – наконец, вспомнил Лаций то, о чём ему говорила Чоу Ли. – У вас в горах нет мостов. Вы не можете строить каменные мосты в горах, – добавил он. Брат императрицы нахмурился и посмотрел на губернатора. Тот поднял брови вверх, как бы говоря «Ну да, он прав», и Ван Ман сразу же ответил вопросом:

– Ты можешь построить?

– Да.

– Покажи прямо здесь!

– Мне нужны будут камни и доски, – пожал плечами Лаций.

– Покажи! Эй, Ю Лай! Вынимай меч и тащи сюда камни и две доски! Достань камни из дороги, потом положишь назад. Если он врёт, то положишь вместо одного камня его голову!

Красный от негодования и злости воин склонился в поклоне и сразу кинулся выполнять приказ. Однако в его глазах застыло злорадство, потому что в душе он надеялся, что сможет отрубить обидчику голову, когда тот не сумеет сложить свой каменный мост, как обещал его хозяину. Десяток слуг высыпали перед Лацием около сорока камней размером чуть больше ладони, и он прошептал хвалу всем богам за то, что они были не круглые.

– Доски – это горы. Сделай между ними мост! – приказал Ван Ман.

Разложив их так, чтобы под руками были камни со скошенными краями, напоминающие треугольники, а остальные чуть дальше, Лаций взялся за доски. Он наклонил их друг к другу на расстоянии локтя и подложил под них по два камня. Потом взял первый треугольный камень и прижал его к доске. К нему – второй. Ко второму – третий... В результате у него получилась арка из камней, которая упиралась концами в наклонные края досок. После этого он взял несколько узких камней и вставил их в щели, укрепив первый ряд. Сверху положил более ровные гольши и добавил ещё несколько штук по краям.

Теперь внизу была арка, а сверху – почти ровная дорога. Позвав Лукро и Зенона, он попросил их придержать доски, а сам, взяв в руки железный шар и цепь, чтобы не мешали, осторожно стал ногами на вершину маленького каменного моста. Если бы эти люди знали, что любой легион должен был уметь строить не только города и дороги, но ещё каменные мосты и клоаки, то они бы так не удивлялись. Однако они этого не знали и поэтому со всех сторон слышались возгласы удивления и радости. Этим людям нравился странный варвар из далёкой неизвестной страны.

Когда Лаций сошёл вниз, брат императрицы подошёл и сам стал на его место. Маленькие камни выдержали его вес. Лаций устало улыбнулся.

– Ты научишь наших людей этому, – очень спокойно и ровно произнёс Ван Ман, как будто для него в этом не было ничего удивительного. – Ю Лай, лошадь! – крикнул он и быстрым шагом вышел из-под навеса. Все замерли в растерянности, не зная, что делать. Один только губернатор Бао Ши улыбался и радостно потирал ладони, спрятав их на животе под широкими, длинными рукавами.

Начальник охраны Фу Син подошёл к нему и, поклонившись, что-то спросил. Тот по-отечески похлопал его по плечу и стал объяснять. Лаций ничего не слышал, так как вокруг было много слуг, каждый из которых теперь сам хотел постоять на его маленьком мосту, а бедные Зенон и Лукро вынуждены были стараться изо всех сил, чтобы удержать доски в неподвижном состоянии. Ханьцы радовались и смеялись, как дети, но Лаций чувствовал, что это было ещё не всё. Подтверждение пришло чуть позже.

ГЛАВА IV. РАЗГОВОР С ЧОУ ЛИ

Остаток дня прошёл в полной тишине. Римляне лежали, как пустые, пыльные мешки, брошенные на дороге за ненадобностью. Ближе к вечеру их отвели за город, к реке. Это была настоящая награда для их грязных, измученных тел. По дороге Лаций заметил, что оттуда в город постоянно двигались десятки повозок с бочками. Судя по всему, воду в город возили только так. Это было очень странно. И ещё в этом городе не было видно клоак, хотя он явно был очень большим. Всё сливалось в канавы возле домов или в большие ямы. Потом босоногие бедняки выносили их оттуда ведрами.

Когда они вернулись в город, было уже темно. У навеса виднелись носилки и два десятка слуг. Сердце Лация вздрогнуло, когда он заметил их. Это была Чоу Ли. Не дожидаясь, когда за ним придут стражники, он, с трудом удерживая цепь с шаром, подошёл ближе и назвал себя. Изнутри раздался женский голос, и носильщики отошли в сторону.

– Здесь сегодня был брат императрицы. Страшный Ван Ман, – устало вздохнув, произнёс он так, как будто они продолжали давно начатый разговор.

– Я знаю. Весь двор знает. Но это ничего не меняет. Император пока не изменил своего решения. Он ещё не знает, что брат императрицы был здесь.

– Все знают, а он – нет! Странно как-то...

Чоу сказала, что брат императрицы – скрытный человек. Он не любит делиться своими мыслями ни с кем, кроме сестры. Император весь день провёл со своими наложницами в дальнем саду во дворце, поэтому его никто не видел. Вечером жена императора вызвала старшего евнуха и приказала завтра подготовить её выход за стены дворца.

– Сюда? – спросил Лаций. – Значит, она говорила с братом?

– Да, – подтвердила Чоу.

– Конечно! Она специально послала его к нам. Проверяла.

– Наверное, ты прав. Но теперь она хочет увидеть всё сама. С ней будут жёны министров. Если они расскажут о картинах своим мужам, те могут убедить императора...

– Чоу, я сделаю всё, что от меня зависит. Ты же сама говоришь, что он ничего не знает. Он был с ними. Значит, они важнее всех остальных. Даже важнее жены!

– Ты что! Не надо так говорить. Не надо. Река Хуанхэ течёт медленно.

– Что? Ты опять за своё? Смотри, сегодня этот Ван Ман или как там его, сказал, что нас отправят строить мосты. Ты понимаешь, что времени нет?

– Как так? Какие мосты? – Чоу была испугана.

– Я показал ему, как строить мосты, и он пообещал отправить нас куда-то. В горы или куда-то ещё. Ты понимаешь? Если ты не успеешь добраться до наложниц, то всё, конец. Император не простит Тана, и вы погибнете. А нас уже здесь не будет.

– Не будет? – как эхо, переспросила она, лихорадочно думая над тем, что услышала. Неужели она теряла власть над событиями? Этот белый раб ускользал из-под её влияния, и она ничего не могла с этим поделать. Но он ещё был на её стороне. – Сегодня день закончился. Завтра уже не изменить. Постарайся поразить жену императора, – тихо произнесла она.

– Но я могу только отдавать команды, стоя под навесом!

– Я слышала, что ты можешь больше... – в её голосе послышалась мольба.

– Неважно. Мы с тобой договорились. Если чудо случится, ты поможешь мне добраться до моря!

– Я это помню. Но чудо будет, если мы вообще выживем.

– Об этом я попрошу богов. А ты лучше подумай, как донести до ушей наложниц, что здесь есть что-то странное... Придумай! Ты же их знаешь лучше меня. Донеси до их ушей, что у нас по две головы и три ноги.

– Уже донесли, не волнуйся. Их служанки только и говорят о бледных рабах. Только ты никому не говори. Никогда, – предупредила его Чоу.

Они ещё какое-то время обсуждали подробности прошедшей встречи. Чоу хотела знать всё до мелочей – что говорил и где стоял каждый из участников утренней стычки между Лацием и Ю Лаем. Когда носилки тронулись в обратный путь, огромная луна уже поднялась над стенами внутреннего дворца, и слугам не пришлось зажигать факелы.

Лаций проводил взглядом босоногих носильщиков и положил руки на железный шар. Пора было возвращаться под навес. Он обратил внимание, что в этом городе тоже не было никаких запахов. Даже ночью. Жара убивала всё вокруг, и только ранним утром или поздним вечером, когда прохлада опускалась на раскалённую землю, в воздухе ненадолго появлялся запах мокрой пыли и сырости.

ГЛАВА V. ВИЗИТ ЖЕНЫ ИМПЕРАТОРА

Когда солнце уже прошло по небу половину пути, протяжные звуки труб и звон литавр у ворот дворца возвестили о появлении императрицы. На всём пути от ворот до сарая стояли слуги в разноцветных халатах с большими зонтами. Они создавали тень там, где должны были пройти носилки жены императора. Но некоторых не спасали даже зонты – слуги падали, их поднимали и относили в сторону, отливая водой.

Когда к навесу приблизились несколько носилок, оттуда вышли пять человек в одинаковых серых халатах и с одинаковыми белыми башенками-шапочками на голове. Лаций смотрел на них и ему казалось, что за каждым движением, взглядом, походкой, жестом и наклоном он видит характеры этих людей, их мысли и желания, как будто знает уже много лет. И не только их, а вообще всех, кто стоял вокруг. В целом, они разделились у него на тёмно-серых и светло-серых, как будто он теперь делил их всех на две части благодаря интуиции. Выстроившись перед навесом, новые гости замерли.

– Павел, мне кажется, я слепну, – пробормотал Лаций. – Они все стали светлыми и тёмными.

– Нет, это – знамение богов, – послышался сзади голос Домициана. – Ты становишься зрячим, даже более зрячим, чем все остальные. Я тоже вижу только чёрные и белые пятна, как будто это и не люди совсем.

– Но мне кажется, что я их всех знаю. Вон, стоит в стоптанных белых сандалиях. Стопы внутрь, сутулый, голова набок. Трусливый, жалкий, всего боится, похож на тухлую рыбу.

– О-о! Ты становишься мудрым, – глубокомысленно заметил старый друг. – Ты научился различать людей по их лицам и одеже. Царь Феодосий, кстати...

– Подожди со своим Феодосием, – прервал его Лаций. – Появился ещё один. Я вижу его.

– Какого он цвета? – спросил Павел с живостью.

– Мне он кажется фиолетовым, хотя одежда на нём светлая...

– Да, он весь лиловый, как спелый инжир, – пробормотал Павел. – У него изнутри идёт красный свет. Берегись его! Он очень опасен. Я чувствую его силу.

– Да, на меня тоже давит, – прищурив глаза, пробормотал Лаций.

Человек в светлом халате песочного цвета медленно отошёл от больших носилок и остановился у первой картины. Блестящая синяя башенка на голове замерла и стала медленно двигаться по направлению к римлянам. Рядом шёл начальник охраны и рассказывал о битве. На этот раз Фу Син говорил более спокойно и уверенно. Когда они подошли ближе, всё повторилось снова, и вышитый длинноногий журавль на халате важного чиновника замер, наслаждаясь песней.

– Какой урод, – неожиданно произнёс он и ткнул зажатými в руке палочками в грудь Лацию. – Надо будет взять его для охраны дальней башни сладострастного настроения, – его круглое лицо жёлтого цвета не носило следов краски, и на нём не было видно бороды и усов, как у других слуг и помощников. – Кстати, – продолжил он, – этих двух певцов обязательно отправь потом к нам! Какие волшебные голоса! Надеюсь, они смогут так же петь после тшиесионг¹⁰, как и сейчас.

– Да, владеющий мудростью Ши Сянь, ты, как всегда, прав, – согласился с ним начальник охраны. Когда они отошли дальше, Лаций повернулся к Павлу и спросил, что тот имел в виду.

– Они называют это йанге¹¹, – упавшим голосом ответил слепой. – По-нашему это – эксе-кандо вирилия¹². Лишение детородных органов. Кажется, нам – конец. Это – старший евнух.

¹⁰ Оскопление (кит.).

¹¹ Кастрация (кит.).

– Владеющий мудростью – это старший евнух? Что за глупость!

– Не кричи. Чужо мое сердце, что добром это не кончится. Боги говорили мне, что дальше будет дорога во мраке страданий... Нас оскопят.

– Что? Опять? – Лаций вспомнил город Экбатана в Парфии, дворец с цветными стенами, отвратительные жирные евнухи и ужас, который он испытал, когда его чуть не превратили в одного из них.

– О боги всеильные, Феб-покровитель, сжальтесь надо мной. Мне уже немного осталось... – потеряв самообладание, зашептал Павел Домициан, находясь на грани истерики.

– Павел, Павел, успокойся! – тряс его за плечи Зенон. – Что с тобой?

– А? – вдруг услышал тот. – Зенон, сынок, и ты тоже! За что такая несправедливость? Ведь ты ещё ничего не видел в этой жизни!

Лаций процедил сквозь зубы:

– Замолчи! Ещё не всё потеряно. Мне тоже грозили всё отрезать. Если дело дойдёт до этого, я убью тебя первым. Слышишь? – эти слова привели слепого певца в чувство, но радости не добавили.

– Нет, не убивай... Может, обойдётся... – пробормотал он и затих.

– Соберись, тебе надо будет сейчас петь лучше, чем Фебу. Зенон, дай ему воды, пусть прочистит горло. Павел, – Лаций взял старого друга за руку, – ты чувствуешь меня?

– Да, – прошептал тот. – Ты горячий и... Ты весь красный. Ты тоже опасен. В тебе – огонь.

– Вот и хорошо. Лучше думай об этом. И успокойся. Вот это да!.. Смотри, что происходит! – Лаций от удивления даже приподнял шлем, чтобы лучше видеть приближающуюся процессию. Слуги образовали дорожку от носилок к навесу, где стояли старший евнух и начальник охраны Фу Син. Рядом с каждым зонтом поставили большие корзины, наполненные чем-то белым.

– Это император? – тихо спросил за спиной Зенон.

– Не похоже, – пробормотал Лаций. – Ждали его жену...

– Персиковый цвет. И немного голубого. Есть красный, но персиковый везде, – внезапно лихорадочно зашептал Павел Домициан, но потом грустно добавил: – Это – женщина. Достоянная женщина, но моему сердцу неспокойно.

Когда из носилок появилась женская фигура в блестящем халате из розового шёлка с жёлтым веером, которым она прикрывала лицо, со всех сторон раздалась громкие возгласы:

– Тысяча лет жизни! Тысяча лет жизни!¹³

Солдаты стали стучать палками по щитам и спинам легионеров, крича:

– Дитоу! Дитоу!¹⁴

– Бу кан!¹⁵

– Ксиалай!¹⁶

Лаций упал на колени и успел бросить через плечо Павлу Домициану:

– Она в розовом халате с красными полосами на краях рукавов.

– Ну я же говорил! – с удовлетворением ответил слепой, коснувшись лбом земли.

– Откуда ты это знал? – спросил его Зенон, но получил от подошедшего солдата палкой по плечам и, вскрикнув, замолчал.

Вдали послышался вкрадчивый голос старшего евнуха, но слов слышно не было. Затем уже громче зазвучал дрожащий голос Фу Сина:

---

¹² Оскопление (лат.).

¹³ Приветствие жены императора в Китае

¹⁴ Опустите головы (кит.).

¹⁵ Не смотреть (кит.).

¹⁶ Вниз (кит.).

– Госпожа двенадцати лун, это – подарок генерала Чэнь Тана. Он убил оскорбителя великого императора, ничтожного хунну Чжи Чжи, и передаёт эти картины императору Юань Ди в знак величайшей признательности его небесной власти, – он замолчал, и какое-то время ничего не было слышно.

Лаций зажал шлем ладонями и медленно повернул голову в сторону. Теперь он мог одним глазом наблюдать за происходящим, хотя со стороны казалось, что его шлем вместе с головой смотрит точно в землю. Он не слышал, что говорила жена императора, но её голос казался ему низким и грудным, хотя все ханьские женщины, которых он слышал до этого, обладали тонкими, почти детскими голосами. Наконец, продолжая стоять в полусогнутой позе, Фу Син перешёл к описанию взятия крепости, и его голос сразу зазвучал намного увереннее и громче. Лаций слышал каждое слово.

Рассказ начальника охраны отличался большей красочностью и преувеличениями. В наиболее страшных, захватывающих моментах слышались испуганные возгласы сопровождавших императрицу женщин. Наконец, крошечные сандалии-лодочки приблизились к заключительной части картины, и Фу Син стал рассказывать о битве с непобедимыми варварами из далёкой страны Луома. Рядом с головой Лация опустилась внушительная корзина, из-под которой тонкой струйкой потекла вода. Он коснулся её пальцами и почувствовал, что вода холодная.

– Скажи, кто удивил моего брата? – послышался низкий бархатный голос, и сердце Лация замерло. Это была жена императора.

– Вот этот. С большим шлемом, в красном плаще, – ответил голос начальника стражи.

– Это интересно. А нам они что-то покажут?

– Моя госпожа, это небезопасно. Они – страшные варвары. Надо поставить перед ними слуг, чтобы защитить тебя, – с осторожностью и предупредительной вежливостью обратился к императрице старший внук, и Лаций почувствовал, что этот человек действительно их боится.

– Но если ты поставишь слуг, я ничего не увижу, – недовольно ответила она. – Мой брат стоял здесь? – неожиданно спросила она.

– Э-э... я не был вчера с ним... – пролепетал старший внук.

– Да, госпожа, – ответил за него начальник охраны Фу Син.

– Тогда ничего страшного нет. Посмотри, у них на ногах цепи и шары! Они даже шага не могут сделать. Неужели они такие страшные?

– Очень, моя госпожа, – подтвердил Фу Син, но на жену императора это не произвело никакого впечатления.

– Тогда покажи мне их! – приказала она. Начальник стражи кивнул своим воинам. Прозвучала команда: «Тшиилай!»¹⁷, и римляне увидели перед собой около двух десятков разноцветных халатов, верхняя часть которых пряталась за большими веерами. В пяти шагах от Лация замер жёлтый веер с тёмно-красными птицами, которые куда-то летели, вытянув назад длинные ноги. Он быстро взглянул на корзину и остолбенел. Там был лёд. Настоящий холодный лёд! Верхние куски уже растаяли, их поверхность была гладкой и блестящей. И ещё от них шла настоящая прохлада.

Такие корзины стояли только вокруг женщины в розовом халате. С десятков слуг держали их, согнувшись пополам и придерживая на шее верёвки. Они ждали императрицу, готовые немедленно сопровождать каждый её шаг прохладой. Лаций поднял взгляд на веер и увидел за ним чёрные волосы, скрученные сбоку в шар. Из него торчали десятки золотых украшений, а на темени лежало золотое ожерелье с небольшими круглыми медальонами размером с ноготь мизинца. Два любопытных глаза смотрели на него в упор, и в них не было видно ни страха, ни ужаса.

---

¹⁷ Встать (кит.).

– Какой ужасный шрам, – раздался голос за веером.

– Да, наша госпожа, – склонился в поклоне начальник стражи и кивнул Лацию. Всё повторилось ещё раз: легионеры смыкались, размыкались и перестраивались, пока Фу Син заканчивал рассказ об ужасном сражении у стен далёкой крепости хунну.

– Неужели они так хорошо сражаются? – удивилась она, выслушав весь рассказ. – Они все внухи?

– Нет, но в их стране бреют лица.

– Фу, как это ужасно, – наигранно произнесла императрица, но в её голосе прозвучало больше интереса, чем отвращения.

– А кто из них убил сына второго министра? – спросила она.

– Вот этот, со шрамом, – нахмурившись, буркнул Фу Син.

– Джи Сы, посмотри, вот, кто убил твоего сына! – с непонятной радостью позвала императрица одну из женщин своей свиты. Разноцветные халаты и веера закачались, и рядом с ней в поклоне склонилась такая же тоненькая и маленькая фигурка с белым веером. Раздался звук плевка, но Лаций ничего не увидел и не почувствовал. Наверное, на жаре горло женщины пересохло, и она не смогла далеко плюнуть. – Как ты возмущена! – покачала веером императрица. – Мы придумаем, как его наказать.

– Госпожа, – раздался позади неё голос другой женщины. – Этот варвар мучил сестру Йенг Ли. Он заставлял её работать. Он бил её и издевался.

– О-о-о... – за веерами раздался смешанный вздох возмущения, испуга и любопытства.

– Это правда? – удивлённо спросила императрица Фу Сина.

– Говорят, так, – подтвердил тот, не разгибая спины.

– Он заслуживает наказания, – ещё раз произнесла она. – Йенг, твой муж хорошо проводит праздники. Раз эти варвары так хорошо сражаются, мы сможем увидеть, как их убьют воины моего брата. Через месяц будет праздник первого урожая. Пусть Бао Ши подготовит их и мы посмотрим, как они умрут.

– Я так благодарна тебе, госпожа! – раздался откуда-то сбоку нежный голос, и очередной голубой веер склонился в низком поклоне. Опешивший Лаций только крутил головой из стороны в сторону, понимая, что сейчас решается его судьба, но не знал, что делать. Он понял, что за голубым веером скрывалась сестра Чоу Ли, и тщетно пытался разглядеть её лицо. Ему повезло – во время поклона веер случайно опустился немного ниже, чем следовало, и он увидел длинные чёрные брови, большие белые пятна на щеках и бордовые губы.

Однако даже эти нелепые краски не могли скрыть правильность черт, которые не имели ничего общего с лицом Чоу Ли. Особенно глаза и нос. Большие, широкие глаза с чёрными зрачками и длинными ресницами совсем не были похожи на узкие щелочки Чоу. И ещё у Чоу нос был приплюснутый, маленький, с вывернутыми в стороны ноздрями. А здесь – прямой, как у римской матроны, только очень тонкий... Нет, это не могла быть её сестра! Лаций моргнул, и лицо скрылось за пластинками веера.

– Они могут многое, не только воевать, – осторожно добавил начальник охраны.

– Ах, да! Я слышала, что они могут строить мосты, – со смехом ответила императрица. – Как будто их не могут строить наши слуги. Это смешно.

– Они умеют петь, – уже не так уверенно произнёс Фу Син, не зная, какую реакцию вызовет это у неё, но жёлтый веер вдруг вздрогнул и замер.

– Петь? Это интересно. Я слышала только ужасный звук из трубы. Это их музыка? Ха-ха. И что же они могут петь? Неужели лучше наших придворных певцов? Мне кажется, они притворяются. Я слышу, как кто-то играет на юй, – с любопытством и в то же время недоверчиво произнесла она, но ей ответил только начальник охраны:

– Госпожа, твоя мудрость безгранична, но позволь этим рабам показать, что они умеют, – поймав одобрительный взгляд Фу Сина, Лаций кивнул музыкантам и посмотрел на Павла. Они с Зеноном ждали этого момента и набрали в грудь воздух.

Дальше Фортуна решила смириться над Лацием, и Парки отложили ножницы в сторону от нити его судьбы. По рассказам Чоу Ли он помнил, что императрица Ю Ван любит музыку и песни, но он и представить себе не мог, что она будет слушать их до самого заката! Когда Павел и Зенон исполнили два гимна и перешли к заранее выученным песням, старший евнух приказал принести императрице и дамам двора небольшие стулья. Они расселись вокруг музыкантов, и теперь, когда все женщины оказались боком к Лацию, их лица были видны лучше. К удивлению старшего евнуха, императрица спела вторую песню вместе с Павлом Домицианом и после этого приказала музыкантам играть ещё и ещё. Павел и Зенон поняли, что надо голосами петь мелодии, и, почувствовав, что их талант ценят по-настоящему, старались показать всё, на что были способны.

– Ах, как жаль убивать таких прекрасных певцов! – устало откинувшись на спинку небольшого стула, произнесла императрица. – Нет, мы их оставим. Этим двоим. Они будут петь нам на праздниках и во время долгих поездок. Решено! Эй, ты, – позвала она начальника стражи, – позаботься, чтобы их не убили и хорошо кормили. Мне всё очень понравилось. Я давно не говорила таких слов. Ты – хороший рассказчик. Жаль, что здесь нет генерала Чэнь Тана. Ах, да, его бы уже лишили головы! Я и забыла! А кто рисовал эти картины?

– Мастера искусств, – ответил Фу Син так быстро, что даже Лаций поразился его сообразительности.

– Пусть завтра нарисуют мне несколько таких же картин. Но поменьше. Я хочу видеть их у себя в комнатах. И пусть там будет нарисована голова Чжи Чжи. Обязательно! – императрица помахала веером и произнесла усталым голосом: – Мне плохо! Фу, я вспомнила, как она ужасно воняла! – широкий веер сделал несколько взмахов и, покачиваясь, направился к носилкам. Уставшие носильщики льда и слуги с зонтами толкались, стараясь не отстать от неё. Остальные женщины в разноцветных халатах тоже устало потянулись к своим носилкам в окружении евнухов.

– Завтра Тиберию и Лукро будет много работы, – радостно заметил Павел.

– Да-а, – протянул Лаций. – Но у нас пока ничего не ясно.

– Хорошо, что хоть ничего не отрежут, – добавил Павел. – И петь будем. И кормить будут. Это же хорошо.

– Тебе хорошо, слепая твоя башка, – оборвал его Лукро. – А нас положат через месяц на бойне. Слышал?

Слепой певец замолчал, чувствуя нелепость своей радости. Лаций опустил щит и сел на землю. Вслед за ним стали садиться все остальные римляне. Приближался вечер. И никто не знал, что их ждёт дальше.

ГЛАВА VI. НАЛОЖНИЦЫ И ЕВНУХИ

Утром пришёл слуга Чоу Ли. Он сообщил, что всё остаётся без изменений и его госпожа грустит. Но, возможно, сегодня придут ещё два человека. Два старых министра. И всё. Больше ничего узнать не удалось. Лаций понял, что Чоу поступила так неспроста. Она чего-то боялась. Наверное, эта затея с картинами не вызвала у императора интереса, и теперь судьба генерала Чэнь Тана повисла на волоске. А вместе с ним и её собственная. Пока не было никаких намёков на изменения. Лацию стало тоскливо и неприятно.

Ещё вчера надежда на какой-нибудь поворот судьбы, милость богов и любопытство глупых придворных помогала ему сопротивляться отчаянию и страшным мыслям. Теперь всё было наоборот. Он вспомнил лицо узкоглазого евнуха с выпуклыми, как сливы, скулами. Его жёлтые сытые глаза были лениво-неподвижными, как у сытого тигра. Это было наваждение...

Сделав глоток воды, Лаций обвёл взглядом унылые лица товарищей, вповалку лежавших вдоль задней стенки, музыкантов и сидевшего напротив начальника стражи Фу Сина. Тот снял шлем и прислонился спиной к столбу. Лаций не заметил, как глаза закрылись сами собой. Воспалённое воображение снова начало рисовать картины одну страшнее другой, где он сопротивлялся, дрался, сражался, кричал и даже кусался... Но всё всегда заканчивалось одним и тем же: к нему приближался страшный евнух, длинные рукава халата вытягивались вперёд, из них появлялись маленькие, крючковатые пальцы, в которых виднелся острый нож... Смешной домик на его голове нервно подрагивал, широкая улыбка застыла поперёк широкого, полукруглого лица... И ещё этому евнуху что-то не нравилось. Он дёргал плечами, поднимал их к ушам, размахивал руками и тянулся к Лацию дрожащими пальцами. Рядом с ним почему-то стоял Фу Син. Весь вытянулся, замер, слушает. Скулы сжаты, глаза не моргают, губы не шевелятся. Брови свёл, смотрит на евнуха внимательно. Смотрит и тоже чего-то ждёт...

Неожиданный удар по плечу привёл Лация в чувство. На расстоянии вытянутой руки стоял стражник с палкой. Увидев, что римлянин очнулся, он пошёл дальше. Лаций несколько раз моргнул, не понимая, почему старший евнух не исчез. Более того, теперь у него за спиной стояли десятка два разукрашенных слуг, чем-то похожих на него, только в другой одежде.

Откуда-то сбоку появился губернатор Бао Ши в блестящем чёрном халате с жёлтыми полосами на краях рукавов. Все они собрались вокруг старшего евнуха. Лаций смотрел на них и тупо спрашивал себя: «Это сон? Или нет... Похоже, не сон». Он медленно повернул голову в сторону, посмотрел на Зенона и Павла, протянул руку к мешку. Вода была такая же тёплая и тухлая, как и раньше. Лица у всех вокруг были серые и опухшие. Павел почему-то показался ему похожим на слепого Меркурия...

– Эй, быстрее, быстрее! – начальник охраны поспешил к музыкантам, которые продолжали сидеть на земле, оставив инструменты в стороне. – Скажи своим людям строиться! – на ходу бросил он Лацию.

– Император? – спросил Павел сзади.

– Вряд ли, – хриплым голосом ответил Лаций. – Евнух ему зачем?

– Да... ты прав, – согласился слепой певец. – Но сегодня он другого цвета. Жёлтый и коричневый. Он так быстро меняет цвет! Мне это не нравится...

– Мне тоже, – тихо ответил Лаций и повернул голову к Лукро. – Становись! – с трудом выдавил он из себя команду и опёрся на новый щит. Покачиваясь, римляне стали выравнивать ряды.

Вскоре со стороны внутреннего дворца показалась пара носилок розового цвета с белыми цветами и птицами по бокам. Сами носилки были маленькими, но несли их по восемь человек в рубашках, штанах и закрытых сандалиях. В это время к Лацию подошёл начальник охраны Фу Син.

– Надо хорошо петь, – изобразив на лице кислую улыбку, сказал он. – Это очень важно...

– Кто это? – спросил Лаций.

– Любимые наложницы императора, – чуть понизив голос, ответил Фу Син.

– Любимые женщины? Наложницы?.. Вот оно что!.. Теперь понятно, почему они тут, – он кивнул в сторону евнухов.

– Да, – со вздохом подтвердил тот, поправил шлем и, переваливаясь на коротких ногах из стороны в сторону, отправился встречать носилки. Его квадратное тело напоминало высеченный из скалы кусок мрамора, из которого должны были сделать фигуру человека. Но так и не сделали... «Был бы хорошим землепашцем», – подумал Лаций и посмотрел в сторону толпы евнухов, окруживших носилки.

Две женских фигуры были наполовину закрыты веерами, и римлянам были видны только их жёлтые халаты и пояса. Они передвигались медленно и осторожно, как живые статуи, которые плавно скользили над землёй. Но Лаций сразу заметил между ними разницу. Одна из них показалась ему «мягкой и доброй», а другая – «своенравной и хитрой». Павел Домициан, как будто подслушал его мысли и тихо произнёс:

– Две женщины. Одна, как олива, а другая, как кипарис.

– Да, похоже, – шёпотом ответил он. – Ты лучше прочисти горло! Сейчас щебетать придётся.

Начальник охраны Фу Син в очередной раз начал рассказывать об осаде города, но на этот раз гости не стали его слушать. Они устремились в конец сарая, где стояли римляне. Глядя на их перестроения, они смеялись и обменивались весёлыми шутками. Изредка из-за вееров были видны их глаза, но лица полностью не появлялись. Когда раздались первые звуки музыки и Павел с Зеноном запели первый гимн, наложницы императора замерли и стояли некоторое время неподвижно. Потом они позвали старшего евнуха и что-то сказали ему. Тот сразу приказал всем замолчать. Музыка прервалась. Песня – тоже. И тут прозвучала неожиданная команда:

– Тую йифу! Туоксия!¹⁸

– Как это? – глупо переспросил Павел Домициан. Легионеры стали перешёптываться, не понимая, что от них хотят.

– Так это евнухи! Похоже, кастрировать будут прямо здесь, – раздался голос Лукро, и римляне замолчали, испуганно вжимаясь в щиты, как в единственную защиту от грозящей им опасности. Лаций тоже почувствовал, как всё внутри сжалось и задрожало. Стражники повторили команду и взялись за палки. Щиты медленно опустились на землю, и легионеры стали снимать шлемы и нагрудники.

– Теперь пойте! – послышался голос старшего евнуха. Музыканты нестройно заиграли народную мелодию, и Павел с Зеноном затянули песню на ханьском языке. Наложницы в окружении евнухов подошли ближе и стали что-то обсуждать, выглядывая из-за вееров. Лацию показалось, что они остались недовольны Павлом. А Зенон им понравился. Потом они подошли к нему, и теперь их слова были слышны лучше. Они говорили, что его можно использовать каждый день, потому что у него много силы. Хотя лицо очень страшное. Розовые цветы на жёлтом шёлке закачались, и халаты с веерами двинулись дальше, оценивая каждого римлянина по очереди.

– Они что, ищут евнухов? – спросил Лукро, придвинувшись ближе к Лацию.

– Да, – кивнул тот, не думая. На самом деле, получалось, что эти две наложницы оценивали их мужское достоинство, как бы выбирая себе подходящих рабов для плотских утех.

– Вот беда! – вздохнул Лукро. – Боги разгневались на нас... Всесильный Марс, убей меня своей молнией здесь, – взмолился он, подняв глаза вверх. Лаций повернул голову в его сторону и уже хотел прервать друга, но в этот момент что-то тихо шлёпнулось тому прямо на голову

---

¹⁸ Раздевайся! Снимай одежду! (кит.).

и Лукро замолчал, поражённый таким знаком свыше. Прямо на лбу у него растекалось серо-чёрное пятно. Лаций поднял глаза вверх. За толстым бревном крыши виднелось небольшое гнездо птиц. – Благодарю тебя, Марс! – вытирая голову, с искренней благодарностью произнёс Лукро.

– Это – знак! – согласился Лаций. – Жди! Теперь что-то будет.

Но время шло, Павел с Зеноном пели уже третью песню, а наложницы по-прежнему продолжали рассматривать римлян: евнухи по их команде поворачивали тех, кто им нравился, подводили ближе или заставляли присесть по несколько раз. Дойдя до конца, женщины вдруг решили вернуться обратно. Они показали на него, и Лаций понял, что сейчас эта толпа направится в его сторону. Сердце забилось быстрее, на лбу проступила испарина, а в коленях появилась дрожь. Интуиция подсказывала, что это неспроста.

– Этот? – спросил старший евнух у наложниц, когда они приблизились к Лацию.

– Ши, та¹⁹, – послышалось из-за вееров.

– Когда ты был с женщиной? – лицо со сливами под глазами обращалось прямо к нему.

– Он понимает тебя? – спросила одна из женщин.

– Да, – подтвердил старший евнух, чем вызвал бурный восторг у обеих наложниц. – Ну когда? – снова спросил он.

– Месяц назад, – ответил Лаций, и за веерами снова раздался радостный щебет.

– Каждый день? – прозвучал следующий вопрос. Сердце Лация забилось ещё чаще. Если он нужен им только для этого, то надежда остаётся, остаётся... Потом можно будет найти выход, лишь бы не попасть в руки к скопцам!

– Каждый день, – подтвердил он. Женщины стали о чём-то переговариваться. Все вокруг терпеливо ждали. Наконец, они снова что-то спросили у старшего евнуха. Тот повернулся к Лацию.

– Покажи, что ты можешь! Эй, приведите женщину! – крикнул он своим слугам. Но это было непростым делом, потому что женщин вокруг не было. Лаций заметил, что в тех городах, которые они проходили, на улицах действительно не было видно женщин. Везде были только мужчины. Даже в этом большом городе они не видели их ни у реки, ни у стен, ни у домов, как будто это был мужской город. Однако слуги куда-то побежали, и ему стало понятно, что сейчас придётся изображать из себя любвеобильного самца, чтобы понравиться наложницам императора.

– Я могу показать этим женщинам другую вещь. Я умею делать хорошие вещи, – попытался правильно произнести он, надеясь привлечь их внимание. Его уловка удалась.

– Какие вещи? – недовольно передал вопрос наложниц старший евнух.

– Мне нужна корзина с фруктами, – попросил Лаций. Увидев кивок господина, слуги сразу же принесли корзину. – Павел, история про персик, – быстро шепнул он через плечо и крикнул музыкантам: – Таожи²⁰! – те охотно закивали и, схватив инструменты, заиграли медленную, еле слышную мелодию.

Слепой певец начал проникновенно излагать короткий рассказ о девушке, которую бог хотел сделать своей возлюбленной, но она отказалась и попросила главного бога спасти её. И тогда главный бог превратил её в персиковое дерево, плоды которого напоминали бы людям о её юности и красоте.

Лаций краем глаза видел, что вдали появились несколько слуг старшего евнуха, за которыми семенила маленькая фигурка в сером халате. Значит, они нашли женщину, и теперь уже слушать истории Пала Домициана никто не будет. Это расстроило Лация, но он ничего не мог

---

¹⁹ Да, он (кит.).

²⁰ Персик (кит.).

с этим поделаться. Однако все остальные так внимательно слушали рассказ слепого певца, что не обратили внимания на приближение со стороны дворца нескольких всадников.

ГЛАВА VII. НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА С ИМПЕРАТОРОМ

– На колени! На колени! На колени! – раздался вдруг громкий крик. Лаций не видел, откуда он доносится. Но по интонации кричащих слуг понял, что происходит что-то неприятное. – Сын неба идёт! Всем на колени! – продолжал кричать появившийся из-за носилок всадник. За дальней стеной сарая раздался стук копыт. Лошадей было не меньше трёх. Грозные слова ещё эхом звучали под крышей навеса, а слуги уже лежали ниц. Такого римляне ещё не видели – все евнухи, слуги, стражники и музыканты распластались ниц, упёршись лбами в землю. И даже две наложницы распластались в пыли, успев подложить под лоб свои широкие веера. Лаций махнул рукой товарищам и первым последовал примеру окружающих. Римляне тоже поспешили стать на четвереньки. Вскоре послышался приближающийся стук копыт, и со всех сторон донеслись одни и те же возгласы:

– Десять тысяч лет жизни! Десять тысяч лет жизни! Десять тысяч лет жизни!²¹

Краем глаза Лаций видел, как вместе со словами из-под вросших в землю лбов придворных вырывались маленькие облака пыли, которые потом медленно оседали на их ушах и пучках волос. Он прислушался к своему сердцу. Но оно билось ровно и спокойно, как будто вообще ничего не происходило. Волнение, вызванное появлением двух наложниц, полностью исчезло. Скопив глаза в другую сторону, он увидел голые спины своих товарищей. Чуть дальше виднелись серые одежды музыкантов, которые слились с пылью, то ли от ужаса, то ли так требовал их обычай.

Приветствия стихли, и после этого послышался тонкий голос старшего евнуха. Он отвечал на чьи-то вопросы. Лаций осторожно повернул голову в сторону звука. Послышался скрип шагов по бамбуковым настилам. Перед его глазами прошли тёмно-коричневые закрытые сандалии. Поверх них виднелся узкий край белой ткани, а выше жёлтыми тонкими верёвками были завязаны синие шёлковые штаны. Нижний край халата был ярко-жёлтого цвета. Больше ничего видно не было.

– Вот они, – снова раздался голос старшего евнуха. – Твой раб следил за ними исправно.

– Следовало ли тебе сюда приходить, Фэн Юань? И тебе, Фу? – мягкий, ровный тон, без вздрагиваний и визга, как у старшего евнуха, и без долгих шипящих ударений, как у губернатора Бао Ши. Лаций сразу же представил себе человека с открытым лицом и спокойным взглядом. И ещё он показался ему уставшим.

– Твои рабыни пришли посмотреть варваров, Премудрый Правитель, – ответила одна из них.

– Премудрый Правитель спрашивает вас, нравятся ли вам эти варвары?

– Нет, Святой Император, – ответили в голос женщины. Потом одна добавила: – Они страшные и ужасные. Особенно большой, со шрамом.

– Где главный евнух? Ши Сянь, нам интересно, кто их раздел? Это был ты? – теперь голос обращался уже к испуганному скопцу.

– Да, это сделал твой раб, Премудрый Правитель, – со страхом в голосе ответил тот. – Твой раб хотел отобрать себе новых евнухов, чтобы стеречь Башню сладострастного настроения.

– У тебя следует учиться хитрости. Ты хотел стеречь наших наложниц в Башне, да, образец мудрости? – голос императора впервые изменился. В нём появилась ирония. Не дожидаясь ответа от стоявшего на коленях евнуха, он подошёл к наложницам. – Нам интересно, что

---

²¹ Приветствие императора в Китае.

вам тут понравилось? Покажите нам это! – Лацию было видно, как над веерами закачались две маленькие чёрные головы. – Это что, персики? Во дворце нет персиков?! – император так искренне удивился, что все испугались ещё больше. Но Лаций почувствовал, что помимо удивления в его голосе прозвучали веселые нотки и снисхождение. – Вы, как маленькие дети! Вам нужны развлечения и сладкие фрукты! – персики полетели на землю, и один почти докатился до Лация. – Так много картин и красок. Что это? – снова спросил он. Его коричневые сандалии и жёлтая полоса на халате проследовали в сторону римлян и остановились около дрожащего Фу Сина. Начальник стражи буквально вжался в землю животом, как и лежавшие рядом музыканты, когда голос правителя приказал ему встать:

– Вставай и говори! Это ты привёз сюда картины из земли хунну?

– Да, это твой раб привёз... Это подарок генерала Чэнь Тана, – приподнявшись, но всё ещё не решаясь встать, ответил тот.

– Тогда покажи нам, что там было, раз уж мы здесь находимся, – неожиданно приказал император. – Весь двор столько говорит об этом, что даже мои наложницы соблазнились твоими рассказами.

– Премудрый Правитель, – послышался осторожный голос одного из сопровождавших его придворных, – никто не должен видеть Сына Неба!

– Никто не может видеть лица Сына Неба! Никто Не так ли, Ши Сянь? Мы правильно говорим?

– Тысячелетний Властелин прав всегда и везде, – ещё ниже согнулся в поклоне старший евнух.

– Тогда мы хотим, чтобы ты забрал наложниц и отправился во дворец. А мы возьмём их веера, чтобы наше лицо никто не видел. Кстати, Ши Сянь, проследи, чтобы сегодня ночью их комнаты были полны персиков! Раз они их так любят...

– Твой раб всё сделает, – произнёс тот.

– Мы готовы. Начинай рассказывать нам, – раздался голос императора, обращённый к Фу Сину. Тот, всё ещё не смея поднять взгляд, прошёл к самому началу картины и, упираясь ладонями в колени, начал свой рассказ. Римлянам приказали быстро одеться и ждать команды. Музыканты сели боком к проходу, чтобы лишний раз не быть заподозренными в том, что они посмели поднять взгляд на Владыку Неба. Когда закончилось перестроение и Павел Домициан спел с Зеноном несколько песен, император постучал по вееру и сказал:

– Они очень хорошо поют. Хм-м... иногда стоит «посмотреть на человека по-иному»²². Мы никогда не слышали такие голоса. Нам было приятно слушать. Но нам непонятно, кто стоит перед нами? – жёлтый халат с золотыми драконами на груди и плечах приблизился к Лацию на несколько шагов, когда раздался голос Фу Сина:

– Премудрый Правитель, осторожно! Это – очень опасный варвар! – в его голосе было столько неподдельного страха, что тот невольно остановился и повернул голову в сторону начальника стражи.

– Чем он может быть так опасен для наших непобедимых воинов? Тем более, он весь в цепях. Если наши воины пленили его, то он не может быть опасным. Если он такой сильный, то наши воины сильнее. Мы правильно говорим?

– Будда наших дней всегда прав, – раздался голос всё того же придворного, который предупредил императора первый раз. – Но я слышал, что он не только сильный. Он умеет кидать мечи и убивает на расстоянии, – после этих слов наступила тишина, и два внимательных глаза из-за веера пристально уставились на шрам Лация. Это был маленький, невысокий человек в халате, как и все остальные. Верхняя половина не видна, нижняя – сплошной шёлк. И ника-

---

²² Когда человека хвалят, не надо спешить с выводами, но стоит посмотреть на него внимательней, особенно, если до этого не видел его какое-то время.

кой угрозы, полное спокойствие, свойственное тем, которые знают, что выше нет никого ни на небе, ни на земле.

Лацию мешал шлем, который сполз на самые брови. Ему было неудобно смотреть на причудливое сооружение на голове императора, которое было похоже на маленькую круглую шапочку. Из неё торчали три золотых дракона. У каждого во рту было по маленькой жемчужине, а впереди – ещё одна, очень большая. Истолковав долгое молчание императора как сомнение, придворный добавил: – И ещё он умный. Очень умный.

– Это действительно опасно, – неожиданно согласился с ним владыка империи Хань. – Умный враг всегда опасен. Всегда.

– Я не враг, – не выдержал Лаций. Что-то подсказывало ему, что сейчас он может говорить без страха и его слова будут услышаны. – Я – пленный. Я был пленным у хунну. Твой враг Чжи Чжи убит. Его убил твой генерал. А я был таким же пленным у Чжи Чжи. Вот и всё...

– Ты понимаешь нас? – искренне удивился император.

– Не смей говорить с самим императором! – прошипел какой-то придворный рядом с Лацием. Он, семеня, приблизился к нему маленькими шажками и, не разгибаясь, стукнул по спине. – Говори «раб знает, раб слушает»!

– Оставь его, – прервал старого чиновника Владыка неба. – Он раб раба и не знает, как надо говорить с нами. Так ты всё понимаешь? – снова спросил он Лация.

– Да, я могу говорить и понимать, – коротко ответил тот. За веером раздался странный звук, похожий на удивлённое кряхтенье и клацанье.

– Хорошо, мы хотим знать, честный ты или нет. Ты знаешь, зачем ты здесь?

– Да. Чтобы ты простил генерала Чэнь Тана, – не отводя взгляда в сторону, произнёс Лаций и по внезапно повисшей в воздухе тишине понял, что сказал то, о чём все думали, но боялись произнести вслух.

– Хе-хе, – снова послышалось снисходительное покашливание. – Это – правда. Ты не обманываешь нас. Тогда скажи, зачем ты нам нужен? Я слышал, что ты можешь строить мосты и кидать мечи. Но этому можно научиться. А что ты знаешь и умеешь такое, что не можем мы? Удиви нас, и тогда останешься жить.

Лаций задумался. В горле запершило. Но не от волнения, а от духоты. Он не мог припомнить ничего стоящего. Если всему можно было научиться, то чем они отличались? Только цветом кожи... Больше ему ничего в голову не приходило.

– Рим, расскажи ему о Риме! – прошептал сзади Павел Домициан, желая помочь.

– Твой слепой друг может говорить громче. Мы не слышим его! – произнёс император. И тут Лаций вспомнил, что произошло на празднике крестьян в становище хунну!

– Певец говорит, что умеет петь, – быстро сказал он и добавил: – Но это не самое важное. Я могу показать тебе, что мы умеем, а вы – нет. Мы умеем говорить очень тихо и понимать друг друга. Смотри! Эй, Лукро, отойди подальше, – попросил от стоявшего рядом товарища. – Шагов на десять. Теперь повернись спиной. Слушай меня и показывай, что я скажу, – Лаций прошептал «большой палец» и Лукро поднял вверх большой палец. Затем он прошептал «шлем», и тот приподнял над головой шлем. Потом были «правая рука», «левая нога», «цепь на ногах» и «подпрыгни» – Лукро всё повторил безупречно. – Вот видишь, – с улыбкой произнёс Лаций и повернул голову в сторону большого веера, – он всё понимает. А на твоём языке это невозможно.

– Не может быть! – раздался возглас возмущения и недоверия. Лаций улыбнулся, потому что император был явно задет.

– Как ты можешь перечить Премудрому Правителю! – снова вмешался придворный, пытаясь изловчиться и ударить Лация из полусогнутого состояния, но вместо этого император отправил его к Лукро, где несчастному пришлось развернуться спиной и выпрямиться, чтобы слышать голос своего господина.

Старик делал всё, что было в его силах, даже поворачивал голову, но это не помогало. Ханьцы не умели говорить шёпотом. Их слова имели разный смысл, потому что они произносили их с разной интонацией. А без интонации они все превращались в непонятные звуки. Поэтому как ни старался император, у него ничего не получалось – его шёпот сливался в тихий однообразный звук и несчастный придворный ничего не слышал. Дрожа от страха и вытирая потные ладони о халат, он поворачивал голову то в одну сторону, то в другую, стараясь услышать хоть одно слово, и даже пробовал повторять движения Лукро, надеясь, что император говорит то же самое, однако, в конце концов, тот не выдержал и закричал на него:

– Ты, видимо, совсем оглох! Мы же говорим тебе: «Шаг назад». Не слышишь?

– Твой раб не слышит, – писклявым голосом проблеял придворный.

– Ши Сянь, стань на его место, – обратился Владыка Неба к старшему евнуху. – Ты ещё не так стар и должен нас слышать.

Но с евнухом тоже ничего не получилось. Тогда император приказал привести из носилок ещё не уехавших наложниц. Те с радостью вернулись, но и они ничего не слышали. Раскряпанно разводя руками, они оглядывались, но повторить, что шептал их Владыка, не могли. После этого на какое-то время под навесом повисла напряжённая тишина. Император, нахмурившись, думал. Наконец, он повернулся к Лацию и сказал:

– Ты можешь спокойно жить. Но... – в его голосе прозвучало какое-то сомнение, граничащее с любопытством. – Но можешь ли ты сказать, что удивило тебя больше всего? Если это удивит нас ещё раз, остальные рабы тоже останутся жить.

– Удивило меня? – Лаций почувствовал, что теперь сердце застучало быстрее и с той стороны, где стояли римляне, на него нахлынула волна страха и ужаса. Он помнил, что верить властителям судеб нельзя и они могут поменять своё решение по малейшей прихоти; он не забыл о том, что жена императора собиралась увидеть их смерть на празднике; однако желание помочь своим товарищам было сильнее всех остальных чувств.

Лаций лихорадочно перебирал в голове всё, что знал, но это были события из его мира, который был чужд этому странному человеку. Его могло удивить только то, что он знал сам. Но что он мог знать? И тут ему вспомнились рассказы Чоу о её семье, древних полководцах и евнухах, управлявших вместо императоров, письме на шёлке и бамбуковых палочках, а также великом императоре, построившем большую стену. И он решился. – Я не уверен, что ты удивишься. Но меня это поразило, – начал он и закашлялся. В горле было сухо, но Лаций не мог себе позволить попросить воды, – Прости... горло... жарко... – покачал головой он, взявшись за шею. Император оставался неподвижен. Сглотнув несуществующую слюну, Лаций продолжил: – Больше всего меня удивил один человек. Он жил давно и писал историю всех правителей с самых древних времён. Он хотел записать все имена и все поступки, все войны и все предательства. Но он жил в тяжёлое время. Один чиновник предложил тогда императору изменить налоги в стране. И этот историк поддержал чиновника. Тогда император разозлился. Он приказал историку отрезать себе детородные органы. Обычно это означало потерю лица. Историк должен был убить себя, чтобы не опозориться. Но можно было остаться в живых, отрезать своё достоинство и продолжать жить в позоре. Этот человек выбрал жизнь в позоре, чтобы закончить свою работу об истории твоего народа. Он оскотил себя, сказав, что история великой империи важнее его неродившихся детей. Вот, что меня удивило, потому что я никогда не встречал таких людей. Нигде, – закончил Лаций свой короткий рассказ и услышал из-за веера задумчивый голос:

– Сыма Цянь! Это был Сыма Цянь! Да, он был сильный человек. Он много сделал. Мы знаем об этом, – после этих слов император снова замолчал, и никто из согнувшихся в поклоне или лежащих на земле слуг не осмеливался нарушить тишину, пока он думал. – Хорошо, – наконец, произнёс он спокойным голосом, – ты напомнил нам о прошлом. Когда-то нас это тоже удивило. Пусть твои люди живут! Позовите Бао Ши!

– Твой раб здесь, – раздалось откуда-то сбоку, и под навесом показался сложившийся пополам губернатор в испачканном пылью дорогом халате. Не удержавшись на ногах, он рухнул на землю и три раза коснулся лбом земли.

– Забери их. Пусть пока живут. Корми и пои. Мы подумаем, что с ними сделать. Смотри, чтобы они не умерли! И нам кажется, им нужна вода.

– Твой раб сделает всё, премудрый Будда наших дней! – ещё раз ткнулся лбом в пыль Бао Ши. Император, не глядя на него, развернулся и направился к своим слугам. Те тоже стояли, согнувшись в глубоком поклоне. Лацию стало интересно, сколько они могли так простоять без движения. Ведь это было намного тяжелее, чем стоять на четвереньках. От этих мыслей его оторвал удар палкой по ногам – слуги Бао Ши снова напомнили римлянам, что надо опуститься на землю и не смотреть на императора. При этом, они делали это тоже в полусогнутом состоянии, поэтому и били по ногам, а не по головам и плечам, как раньше. Но римлян не надо было заставлять, они сразу же рухнули вниз, как по команде, и через какое-то время стали снимать с себя нагрудники и шлемы.

Казалось, в возникшей кутерьме до них теперь никому не было дела. Император исчез так же быстро, как и появился, носилки с двумя его наложницами в окружении большого количества евнухов уже приближались к воротам внутреннего дворца, а слуги под навесом все ещё продолжали суетиться и бегать, переноса какие-то палки, бочки, воду и мешки. Римлянам принесли много воды. Другие слуги собирали в это время щиты, нагрудники и шлемы. Вскоре наступило счастье – губернатор разрешил отвести их к реке. Даже начальник охраны Фу Син удивился, что тот снизошёл до такого поступка. Хотя всё было понятно и так – чиновники императорского двора ещё находились возле навеса и могли потом рассказать, как вёл себя губернатор после отъезда Владыки Поднебесной.

– Скажи им, чтобы громко благодарили губернатора! – сказал начальник охраны Лацию.

– А почему не императора? – удивился он.

– «Бо Лэ оценил лошадь»²³, но ты – раб губернатора.

– Что?.. Какую лошадь? Ничего не понимаю... Что вы так странно говорите? Сначала Чоу Ли, теперь – ты...

– Заткнись и благодари губернатора!

– Но почему мы не благодарили тебя, когда ты водил нас туда ночью? – хитро улыбнулся Лаций.

– Не говори так! – испугался Фу Син. – Я – слуга губернатора, – и добавил громче: – Долгих лет жизни губернатору! Не заставляй меня «давать тебе три указания и пять раз объяснить»²⁴!

– Почему три... – но закончить он не успел, получив удар палкой от очередного стражника. Стоя на коленях, Лаций передал приказ остальным, и римляне нестройными голосами стали выкрикивать слова благодарности снисходительно слушавшему их Бао Ши в чёрном халате с жёлтыми павлинами на спине и рукавах. Рядом уже суетились двое слуг, стряхивая с роскошного шёлка остатки пыли.

---

²³ Выражение используется для обозначения тех, кто способен распознать у людей редкий талант или открывает для людей возможности продемонстрировать свои навыки.

²⁴ «Повторять дважды».

ГЛАВА VIII. НЕПРИЯТНЫЕ НОВОСТИ О ПРАЗДНИКЕ ГОДА

После реки римлян отвели на окраину города, где жили богатые люди. Там находился дом губернатора Бао Ши. Их всех затолкали в большой пустой сарай и оставили на ночь. Несколько дней они провели там, не выходя наружу. На четвёртый день на рассвете Лация разбудили двое слуг и отвели в пристройку, возле которой стояли четверо слуг. Они были босыми и без рубашек, в одних штанах. Его явно вели не к губернатору и не к императору. От этой мысли сразу стало легче. Вдоль стен стояли две лавки и лежали несколько связок хвороста. Всё было тщательно убрано. В углу пряталась красивая ширма. На ней были нарисованы озеро с зарослями камыша и летящие птицы. В этой убогой и серой комнате она смотрелась очень странно и казалась случайным предметом, как будто её забыли убрать после какого-то специального случая.

Однако вскоре всё стало ясно. За перегородкой сидела Чоу Ли. С ней рядом находились два евнуха и две служанки. Чоу заговорила на наречии хунну. Она не хотела, чтобы её поняли соотечественники. Новости были разными, но все не очень хорошие: император приказал срочно собрать министров, чтобы говорить с ними о Чэнь Тане; жена императора разозлилась на то, что две наложницы видели подаренные ей картины; накануне за это были наказаны пять евнухов; после этого все стали готовиться к празднику года, где римлян собирались показать всему внутреннему двору. Это означало, что губернатор Бао Ши должен будет выставить их для показательных боёв на палках. Лаций уже знал, что бои на палках обычно всегда заканчивались побоищем с мечами и копьями. Значит, надо было что-то придумать, чтобы их не убили в первые же минуты праздника. Хотя радости от того, что их убьют чуть позже, тоже не было. В этот момент он с сожалением вспомнил о том, что ни один правитель никогда не сдерживал своё слово.

Вторая плохая новость касалась сестры Чоу по имени Йенг. Та хотела, чтобы Лация убили в любом случае. Неважно, где. Она говорила, что это её месть за то, что Чоу была его рабыней. И сама Чоу ничего не могла объяснить старшей сестре. Та ей не верила. По крайней мере, так говорила Чоу Ли, стараясь, чтобы её слова звучали искренне.

Также Лаций узнал, что всех женщин хунну увели из города. Там, за стеной, они работали в дальних садах императора, ожидая, пока он не примет решение, что с ними делать. Но самое неприятное было в том, что на юге страны начались волнения крестьян и никто из купцов не хотел туда ехать. Поэтому Чоу не могла сделать так, чтобы Лаций незаметно исчез из дома Бао Ши и оказался в повозке купцов, везущих соль и шёлк на юг. Более того, её отец, бывший главный цензор, требовал, чтобы она вернулась в провинцию, так как теперь была незамужней женщиной. Сам отец жил в небольшом уездном городе, там, где как раз начались волнения, и Чоу скоро должна была вскоре уехать к нему.

Всё снова поворачивалось против Лация. План побега никак не мог превратиться в реальность и оставался всего лишь мечтой. Представить, что его водят за нос, он не мог и наивно верил, что во всём были виноваты другие люди и внешние обстоятельства.

– Ты обещала помочь, – выслушав её, задумчиво произнёс Лаций. Он не понимал, как теперь сможет вырваться из этого города и добраться до моря.

– Я помогу, но потом. Сейчас тебе придётся остаться здесь. Надо подождать. Пусть всё пройдёт. Я дам тебе знать.

– Как?

– Через Фу Сина, начальника охраны.

– Ты можешь попросить его, чтобы нам принесли побольше еды? Мы не можем есть один рис и бобы. Ещё дают чечевицу, но она жёсткая. Нам надо мясо. Я понимаю, что это трудно, но без еды мы умрём.

– Даже не знаю... Мясо не едят даже слуги Бао Ши. Это очень сложно, – осторожно ответила Чоу, стараясь, чтобы её отказ не прозвучал грубо.

– Хорошо, ты можешь сказать Фу Сину, чтобы отправил нас работать? Мы можем носить воду, строить, копать. Тогда ему будет легче нас кормить.

– Ты говоришь мудро. Хорошо, я попробую. Ну всё, иди, мне пора. Сегодня в доме будут гости.

– Подожди, скажи, почему вы с сестрой такие разные? – вставая, спросил он.

– Ты видел мою сестру? – в её голосе прозвучали удивление и растерянность.

– Да, когда приходила жена императора.

– О-о... Но это невозможно! Ты видел её лицо? Она тебе понравилась? – вопросы сыпались один за другим.

– Не знаю. Просто она не похожа на тебя. Совсем.

– Да, не похожа. У нас разные матери. Она – старшая сестра. Но она мне роднее всех остальных людей в доме.

– Остальных кого? У тебя много сестёр и братьев? И ты... – но Чоу не стала слушать его и позвала слуг. Те вывели Лация из пристройки и довели до сарая, где он с облегчением бросил железный шар на землю и сел рядом.

Все его товарищи лежали, тупо глядя в невысокий потолок. Повсюду жужжали мухи. Стены были сделаны из такого же бамбука, как и в том сарае, где они простояли несколько дней. Лаций подошёл и дёрнул палку. Она не поддалась. Затем – другую, третью, пока в углу, у самого столба ему не повезло вытащить тонкий бамбук толщиной в три пальца. Такая палка была легче меча и немного неудобно лежала в руке, но Лаций был доволен.

– Вставайте, – позвал он Марка и Зенона, которые кидали камешки на небольшой площадке у дверей, стараясь выбить их из середины круга. – Займёмся делом.

– Ты вернулся другим, – послышался тихий голос Павла Домициана. – От тебя идёт красный цвет.

– Да. Боги не хотят отпускать меня домой, – криво усмехнулся Лаций. – Парки снова играют в странные игры.

Слепой певец только покачал головой и ничего не ответил. Недовольные Марк и Зенон вытащили из стены себе по палке и стали дурачиться с Лацием. Но, получив несколько сильных ударов по ногам и даже в живот, поняли, что он не шутит.

Вечером к ним присоединился Лукро и три человека из его бывшей восьмёрки. На следующий день – Тиберий и его люди. Они не верили, что их могут убить после прощения императора, но Фу Син, который иногда заходил проверить их состояние, хмуро подтвердил слова Лация.

Теперь их стали выводить на работы в поле и во дворе. Умение римлян работать с камнем сразу же пригодилось при постройке нового погреба с другой стороны дома и выкладывании колодцев. За это их стали лучше кормить. Однако по вечерам Лаций всё равно заставлял всех вспоминать приёмы ближнего боя, хотя со стороны это выглядело, как выступление артистов на маленькой сцене, особенно у Марка и Зенона: они не могли сделать даже двух шагов, и вынуждены были больше уклоняться от ударов Лация, приседать и дёргаться из стороны в сторону, подобно деревьям на сильном ветру.

Так начались тренировки всех оставшихся в живых легионеров. И чем больше они занимались, тем задумчивее становился Лаций. Он видел, что находившиеся со стариками юноши стали быстрее и ловчее, а он, как будто потерял свою скорость. Он чуть медленнее делал выпад вперёд, совсем чуть-чуть опаздывал отклониться от удара и, совсем неожиданно для себя, чув-

свовал непонятную медлительность во всём теле. Оно как будто не слушалось его и делало всё с опозданием. Он ослаб и стал быстрее уставать. Всё это приводило его в уныние, которое он пытался заглушить новыми упражнениями. Но сил не было. Тело сдавалось раньше, чем разум, и руки безвольно падали вниз, ноя от перегрузки и усталости. И он с сожалением был вынужден признаться себе, что начинает стареть.

ГЛАВА IX. РЕШЕНИЕ ИМПЕРАТОРА И ПОМОЩЬ ГОДЗЮ

В это время во дворце происходили совсем другие события. Два противоположных мнения по поводу похода Чэнь Тана снова поставили императора перед выбором, какой партии отдать предпочтение. Его не радовали ни наложницы, ни музыканты, ни рассказы придворных историков и звездочетов. Тогда он вспомнил о жене и приказал старшему евнуху Ши Сяню привести её.

– Десять тысяч лет жизни, Премудрый Правитель! – становясь на колени, приветствовала его Ю Ван. – Долгой жизни тебе на благо всей империи Хань...

– Встань! – недовольно прервал её Юань Ди. – Отец говорил, что крестьяне, когда мимо них проезжал император, сначала кричали «Десять тысяч лет жизни»²⁵, а потом, между собой говорили, что «Даже император не может купить себе тысячу жизней».

– Тебя посетили грустные мысли, наш господин. Ты заболел?

– Нет!

– Хорошо. Но я рада, что твои мысли снова вернулись ко мне. Моя любовь поможет тебе...

– Любовь, любовь, при чём тут любовь? Ты напугала Фэн и Фу так, что они даже не выходят в сад!

– Моя вина безгранична, Премудрый Правитель... Но я следую за тобой во всех радостях и печалях, я вижу свою судьбу вместе с твоей, я не жалею на несправедливость и не требую себе по семь мужчин в неделю, когда мой господин не приходит ко мне... – с наигранной печалью произнесла она, намекая на любвеобильных Фэн и Фу.

– Да, мы согласны. Они такие. Но они – наложницы.

– У них есть дети от моего господина, – уже более жёстко добавила Ю Ван.

– Ладно, нам надоели эти ваши вечные споры и жалобы друг на друга! Хватит!

– Что беспокоит Сына Неба? – снова с покорностью и лаской произнесла она.

– Всё! Что делать с Таном? – выпалил он, не в силах больше сдерживать копившееся столько дней напряжение. Выслушав все его сомнения, она отвела взгляд в сторону и поджала губы. Юань Ди знал, что ему надо чуть-чуть подождать и дать ей время подумать. Но на этот раз прекрасная Ю Ван заговорила сразу. Видимо, она уже не раз думала об этой проблеме и у неё давно созрело решение. Императрица видела, что её муж «не знает, куда деть свои руки и ноги», и думала, как короче и мягче подвести его к правильному решению.

– Чэнь Тан помог всей империи Хань, – не спеша заговорила она. – Смерть Чжи Чжи – это хорошо для всех. Но он нарушил твой приказ. И это плохо для тебя, мой господин.

– И что же нам делать?! – нетерпеливо спросил император.

– Надо наградить и наказать его одновременно, – спокойно ответила Ю Ван, как будто это было так просто, что даже не требовало разъяснений. Но Юань Ди замер и нахмурился, что говорило совсем о другом: он не понимал её. Тогда она продолжила: – Пусть Премудрый Правитель простит его. Ведь он убил страшного врага, для многих он – герой. Все только и говорят про «скачки Тянь Цзи»²⁶. Он удивил многих. К тому же, Чэнь Тан не продал ни одного раба. Все они принадлежат императору. И воины снова стоят на охране Великой Стены, слушаясь приказов Владыки Поднебесной.

---

²⁵ Долгих лет жизни Императору!

²⁶ Достигнуть положительных результатов, изобретательно используя доступные средства, чтобы выйти из тупикового положения.

– Хорошо, прощение – это награда, но где же наказание? – с нетерпением спросил он, не понимая, что надо сделать дальше. Губы его жены тронула еле заметная улыбка, но Юань Ди был так погружён в нарисованную ею картину, что не заметил этого.

– Пусть Будда наших дней проявит мудрость и назначит его командовать теми воинами, которые были с ним в этом походе. Они слушаются Чень Тана, считают его героем и будут рады его возвращению. От Чанъаня до Данхуанга тысяча миль. И там нет ни людей, ни городов, ни женщин, ни детей, кроме хунну по ту сторону стены. Пусть продолжает защищать империю Хань с таким же рвением, как он спешил обезглавить Чжи Чжи. Разве может быть для воина более почётная награда, чем служба своему императору? – она замолчала, ожидая ответа мужа. Тот хитро улыбнулся, спрятав руки в рукава халата, прошёлся ещё раз по комнате и пробормотал:

– Сделаем так, чтобы «эта лошадь не испортила весь табун»²⁷... – тихо произнёс он и затем громко позвал старшего евнуха: – Ши Сянь! – когда тот три раза стукнул лбом у входа, император добавил: – Мы проведём сегодня вечер в Башне сладострастия. Пусть наша жена будет там после захода солнца!

Это был знак к тому, чтобы все покинули комнату. Оставшись один, Юань Ди приказал вызвать к себе трёх главных министров. Пора было сообщить им о своём решении.

Лаций уже чувствовал себя лучше. Теперь все римляне уже отрабатывали удары и уклоны. Силы вернулись, но загнанный внутрь страх всё равно время от времени напоминал о себе, когда у него не получалось быстро выполнить то или иное движение. Однажды поздним вечером к ним зашли начальник охраны Фу Син и ещё несколько воинов. Среди них были два человека, которые показались Лацию незнакомыми. Однако, когда его вывели из сарая, он узнал в одном из них старого проводника Годзю. При свете Луны тот выглядел так же, как и много лет назад – казалось, он совсем не изменился.

– Я хочу поговорить с тобой, – тихо сказал старик и посмотрел на Фу Сина. К удивлению Лация, тот поклонился и отошёл вместе со стражниками в сторону. – Скоро будет большой праздник, – как-то странно произнёс проводник и замолчал.

– Да, будет... – внутренне напрягся Лаций.

– А ты уже успел найти себе врага, – так же тихо и внешне безразлично добавил Годзю.

– Это твой враг тоже? – догадался он. Старый хунну помолчал и коротко ответил:

– Да. Он – враг моих друзей, – потом повернулся к Лацию и продолжил: – Вас оденут в белые рубашки и штаны. Напротив будут воины Ван Мана в чёрных халатах.

– Кто, кто? Охрана?

– Нет, это – слуги брата императрицы.

– А-а... Тогда всё понятно, – с пониманием ответил он. – Я их очень хорошо запомнил, – ему было неясно, что хотел от него старик. – Ты думаешь, мы сможем их победить? – насмешку скрыть не получилось, но Годзю, казалось, не заметил этого.

– Нет. Это невозможно. Они – хорошие воины. У них будут палки. Но ты не сможешь победить их. Даже самого слабого. У тебя будут на ногах цепи. У всех римлян будут. Они будут бить вас по голове. Вот так, сверху, – он показал движение руками. – Страшные удары. Я видел, как они пробивают череп насквозь. Но вас не будут бить сильно. Это праздник. Должно быть весело. Поэтому сначала они будут бить слабо, чтобы вы падали.

– О боги всемогущие! Что ты говоришь? Ведь император обещал нам... – он запнулся, чувствуя, что его слова звучат нелепо.

– Что обещал?

– Он обещал нам жизнь. Но зачем ты это говоришь? Что ты от меня хочешь?

---

²⁷ Кто-то плохо влияет на свою группу или семью.

– Совсем мало. У брата императрицы много слуг-воинов. Старшего зовут Ю Лай.

– Да, я слышал это имя. Он хорошо владеет мечом.

– Не только. Он хочет убить тебя. И убьёт, если ты не сделаешь это раньше, – старый кочевник понизил голос: – Одна твоя рабыня выжила. Её зовут Терция. Она беременная. Если ты убьёшь Ю Лая, я спасу её и найду ей мужчину. Ребёнок будет жить, – он замолчал, ожидая решения Лация. Тот стоял, с ужасом понимая, что у него нет выхода.

– Ты уже похоронил меня? – тихо спросил он, но кочевник ничего не ответил, продолжая ждать его решения. – Ведь даже если я убью Ю Лая, меня добьют другие. Так? – молчание было красноречивее любого ответа. – Хорошо, – кивнул Лаций. – Только надо спасти ещё двух человек. Здесь есть два юноши. Их зовут Марк и Зенон. Им ещё рано умирать. Забери их с собой сейчас!

– Это невозможно. Я не могу их взять. Опасно. Если выживут, возьму после праздника.

– Хорошо, если выживут, точно спасёшь? Их мать зовут Саэт. Она тоже была среди пленных. Найди её!

– Ты требуешь невозможного. Я помогу только этим двоим, если выживут. Хорошо?

– Да, – вынужден был согласиться Лаций.

– Тогда слушай. У этого воина палка будет на конце острой. Не бамбук, как у других. Это – твёрдое дерево. Без дырки. Очень твёрдое. И гибкое. Не ломается. У тебя будет бамбук. Когда вам принесут их, срежь край, чтобы он был острым. Вот так, – старый проводник поднял с земли кусок бамбука и одним движением отрезал край под углом. Скос не был острым, но вполне мог войти в тело при сильном ударе. Лаций с сомнением покачал головой.

– Чем срезать? Ты шутишь? – он попытался разглядеть выражение лица Годзю, но в бледном свете луны ничего не было видно – только очертания бороды и скул. Старый кочевник вдруг протянул ему замотанный в кожу предмет. Лаций развернул свёрток и вздрогнул. Это был один из тех чёрных ножей, который он когда-то сделал для себя. Последний из них был у Зенона!

– Откуда он у тебя? – вырвалось у него.

– В городе нашёл. На стене кто-то убил сильного воина. Ножом в шею. Глубоко, – старик сказал это так спокойно, как будто случайно споткнулся о него в пыли на базарной площади – там всякое можно было найти.

– Понял. Если не палкой, то ножом? – догадался Лаций.

– Да. Ты умеешь бросать нож. Убей его в любом случае.

– Подожди... но ведь если я убью его, то останусь в живых? Так? Тогда что? – осторожно спросил он.

– Не останешься. Тебя убьют другие. Никому нельзя убивать ханьского воина на празднике. Праздник – это радость. Тебя будут бить и ты случайно умрёшь. А его убивать нельзя.

– Ты шутишь? У меня нет выхода?

– Нет. Тебя убьют хоть так, хоть так. Поэтому я и принёс тебе этот нож. Фу Син его видел. Чэнь Тан его видел. Есть ещё с десятков воинов, которые знают, что этим ножом убили очень известного воина. Поэтому я даю тебе твой нож. И если ты убьёшь им Ю Лая, никто не подумает на меня.

– Мы можем выжить? – напоследок спросил он на всякий случай старика.

– Вряд ли. Такие рабы никому не нужны. Вас никто не купит, – Годзю помолчал. – Вы нужны для праздника. От палки можно защищаться. Ты можешь долго драться. Пока голову не отобьют. Ещё можно под рубашку толстую кожу подложить. Буйвола... Тогда можно дольше протянуть. Хочешь попробовать?

– Да. Очень! Хочется подольше пожить, – медленно произнёс Лаций, думая над словами проводника. – Принесёшь?

– Да. Я скажу Фу Сину. Завтра вам принесут кожу, но резать и связывать будете в сарае сами. Не выносите наружу. И молчите. Сделайте рубашки без спины и рукавов, как у носильщиков.

– Я тебя понял. Если боги помогут мне, я тебя не забуду. Обещаю! – горячо произнёс Лаций.

– Ну-ну, – пробурчал что-то неясное старый проводник. – Не забудь про старшего воина по имени Ю Лай! Это очень важно, – хмуро бросил он и медленно направился в сторону ханьских стражников. На этом их разговор закончился, и Лаций, спрятав нож за пазуху, с трудом потащил железный шар обратно. Дойдя до сарая, он лёг прямо у входа и долго не мог заснуть, ворочаясь с боку на бок и размышляя над словами старого хунну, пока лежавший недалеко Павел Домициан не спросил его:

– Морфей лишил тебя сна? Неужели всё так плохо?

– Похоже, да, – вздохнул Лаций. – Боги снова играют в свои игры.

– Они всегда так делают. Вспомни Варгонга и Атиллу. У богов свои развлечения. Но если ты не будешь спать, ты ничему не сможешь. Только устанешь.

– Это точно, – согласился Лаций и закрыл глаза. Сон был тяжёлым и долгим. Он уклонялся вправо и влево от ударов в лицо, но руки почему-то не поднимались вверх, чтобы помочь отбить острый конец палки, который целился ему прямо в глаз. Пытливый ум, как всегда, в моменты смертельной опасности, искал выход и не сдавался, стараясь использовать все возможности для того, чтобы выжить. Но смерть подступала всё ближе и ближе.

ГЛАВА X. ПАЛКИ ПРОТИВ МЕЧЕЙ

Праздник в столице империи Хань начался ранним утром. Римляне поняли это по шуму за стенами дома губернатора: кричали погонщики скота, скрипели повозки, мычали мулы, изредка слышалось ржание лошадей, и чувствовалось, что на улицах было гораздо больше людей, чем в обычные дни. Лаций лежал с закрытыми глазами на старом коврик из тонкой соломы и в тысячный раз представлял себе защиту с цепями на ногах. В сарае было мало места, и они стояли у стен, отрабатывая удары и уклоняясь от них сначала в разные стороны, а потом – вперёд-назад. Двигаться здесь было невозможно, но римляне старались изо всех сил.

Наконец, Лаций остановился и повернулся к Павлу Домициану, чтобы вместе с ним вознести молитву богам. Старый певец согласился, и до полудня они провели в молитвах и разговорах о помощи богов. К ним присоединялись другие римляне, все молились разным богам, поэтому часто спрашивали Лация, правильно ли они просят богов о помощи и станут ли те их слушать, если они не принесут им жертву. Все очень волновались, и было удивительно, что никто не винил друг друга в своём ужасном положении.

Ближе к полудню за ними пришли начальник стражи Фу Син и около двух сотен слуг. Всем римлянам раздали белёсые застиранные халаты из простой ткани и куски верёвок вместо поясов. Они быстро надели кожаные рубашки без рукавов с куском доски, которую Лация придумал прикрепить в самом низу, чтобы она закрывала пах. С этим тоже помог Годзю. Потом все стали натягивать сверху белые накидки. Те были разной длины и ширины, поэтому многим не подходили. Хуже всех пришлось Лацию и Зенону – у них рукава были длиннее рук и внизу волочились по земле. Пришлось отрезать прямо здесь.

Наконец, все были готовы. Павлу Домициану приказали остаться в сарае. Остальных, прямо в цепях, довели до первых ворот внутреннего города и, пересчитав, завели внутрь. Там только что закончилось какое-то выступление: люди в красных рубашках собирали жёлтые и красные ленты, выносили большие маски с хищными улыбками и большие куски ткани, похожие на рыбы хвосты. От входа до ступеней у первого здания шла широкая ровная дорога, выложенная круглыми белыми голышами. По обе стороны от неё было большое пространство, на котором не было ничего, кроме утопанной земли и ряда каменных скамеек. Это было похоже на театр для выступления гладиаторов, только места для зрителей располагались не по кругу, а с одной стороны.

В первых рядах сидели какие-то важные люди в ярких халатах, над ними слуги держали зонты, а позади толпилось около сотни придворных. С другой стороны была только стена. До первого ряда зрителей было шагов тридцать. Императора среди сидевших видно не было. Лаций прикинул, что, при случае, туда легко можно было бы докинуть дротик или копьё.

Римлян выстроили вдоль стены и стали раздавать длинные бамбуковые палки. Он с тоской посмотрел на своих товарищей, понимая, что не сможет сейчас воспользоваться ножом и помочь им. Лаций боялся, что не сможет помочь даже себе. Цепи превратили их в живые мишени для избиения. В этот момент вдаль показались большие носилки с бахромой на крыше. Все придворные упали на колени. Римлян тоже заставили ткнуться лицом в землю. Это был император. Его носилки поставили прямо в центре, раздвинув места, где сидели важные сановники. После этого римлянам приказали подняться.

– Не прижимайтесь близко! Два шага! Держитесь за мной! Бить только в пах! Как учили! – крикнул Лаций Марку и Зенону, когда зазвучали барабаны. Чиновники заволновались, стали что-то обсуждать и показывать на римлян. Некоторые кивали в сторону – там из-за небольших построек, на ступенях которых тоже стояли зрители, стали выходить люди в чёрных халатах. Лаций сразу увидел среди них того слугу, о котором говорил Годзю. Кажется, его звали Ю Лай, вспомнил он. Став на колени перед императором, чёрные воины три раза

коснулись лбом земли и поприветствовали его. Затем отползли назад и встали. К ним подбежали несколько слуг с палками. Лацию было видно, что эти палки отличались от их – они были похожи на толстый орешник.

– Слушай, у меня палка сломанная! – с испугом воскликнул вдруг Лукро. Он опёрся на неё и дерево треснуло посередине. Лаций нажал на свою и увидел то же самое. Зенон с Марком тоже прижали палки к земле и увидели трещины.

– Ломай посередине! – коротко приказал Лаций, найдя перепонку и нажав на неё ногой. Отбросив отломанную часть с трещиной, он подкинул в руке вторую половину и облегчённо вздохнул – так было намного удобнее, потому что укороченными они больше напоминали мечи. Вскоре все римляне последовали его примеру, и у них в руках оказались короткие бамбуковые палки.

– Теперь полегче. Хорошо, что со спины никого нет. Отобьёмся, – радостно заметил Лукро, чувствуя себя более уверенно. Со стороны зрителей раздался недовольный шум, но Лацию не было видно, что там происходит. Однако по обозлённым лицам в десяти шагах от себя он догадался, что чёрные халаты не ожидали такого поворота событий.

Бой барабанов прозвучал ещё раз, и ханьские воины стали приближаться к римлянам, держа перед собой вытянутые, как копья, палки. Они были длиннее и опаснее, чем их бамбук. Лаций быстро оглянулся по сторонам. Похоже, их не собирались сгонять в кучу или заставлять бегать, держа цепь с шаром одной рукой, а палку – другой. Это было намного лучше. И к тому же, сзади тоже никого не было ничего, кроме высоких стен.

Первые удары посыпались, как град, но их ещё можно было отбить, потому что нападавшие явно игрались и не относились к ним серьёзно. Поэтому римлянам удавалось уклоняться и отбивать их удары без труда. Сложней было, когда били по ногам – уклониться с цепями на лодыжках было невозможно. Но тут получалось хотя бы подставить бамбук и уменьшить силу удара.

Пока, насколько мог судить Лаций, в голову никому не попали. Стоявший перед ним Ю Лай явно игрался и бил в полсилы, усмехаясь и показывая, что ему весело. Для него всё и так было ясно. Через какое-то время воины в чёрных одеждах отошли назад и остановились. Со стороны зрителей послышался громкий голос брата императрицы, которому они подчинялись, и теперь его слуги должны были показать что-то другое.

Первый удар Лаций чуть не пропустил, хотя и успел отклониться назад всем телом. Ю Лай нанёс его чуть раньше, чем он ожидал, и острый конец остановился на расстоянии трёх пальцев ото лба. Дальше ханец стал делать выпады один за другим. Как и все остальные. Нападавшие старались угодить римлянам только в голову или грудь. Несколько раз до Лация доносились глухие резкие удары и стоны, и он понимал, что это были точные попадания воинов в чёрных халатах. Но на земле пока никто не лежал.

Крепкий Ю Лай, как ни странно, стал уставать. Его сильные удары потеряли свою скорость, он пытался вложиться в каждый из них так, как будто бил последний раз в жизни, поэтому вскоре на лице у него выступили первые капли пота, глаза сузились, а рот приоткрылся. Он стал тяжело дышать. Короткая борода во время движения смешно вздрагивала, и Лацию хотелось схватиться за неё, чтобы дёрнуть изо всех сил. Однако достать до Ю Лая было невозможно.

Резкий вскрик слева заставил его на мгновение посмотреть в ту сторону. Марк получил сильный удар в голову и теперь сидел на земле, держась за подбородок. Довольный китаец поднял палку, чтобы добить его сверху, но столкнулся с непонятно откуда взявшимся Лукро. Теперь тот успевал отбивать атаки уже двух нападавших. Это было невероятно.

Лаций дёрнулся в его сторону, чтобы помочь, и сам пропустил удар в грудь такой силы, что тут же упал на спину, выронив палку. В голове всё поплыло, в горле почувствовалась тошнота и во рту появился неприятный привкус. Ю Лай, не скрывая удовольствия, наклонился

над ним, но, не увидев крови, резко нахмурился. Рванув на себя полу его халата, он увидел кожаный нагрудник, и на мгновение замер.

– А-а-ах! – раздался хриплый крик. – Защита! На тебе защита! – в узких глазах воина вспыхнула ярость. Повернув голову в сторону, он крикнул своим товарищам: – Бей в голову! У них нагрудники! – при этом, он с удивлением посмотрел на острый конец своей палки. Она должна была пробить даже такую кожу. Враг должен быть мёртв! И тут он заметил медальон. Только этот кусок дерева мог остановить такой удар. Ю Лай стащил его с шеи Лация и потряс над головой. – Вот его защита! – громко выкрикнул он. – Теперь у него нет защиты! Я убью тебя, – злобно добавил он, надевая себе на шею кожаный ремешок. У Лация не было сил, чтобы ответить. Нашупав свою палку, он приподнялся и изо всех сил ударил ханьца по ноге чуть выше колена. Тот закричал от боли и отскочил назад. Это дало ему время подняться.

Рядом опять оказался вездесущий Лукро. Он только что отбил от двух нападавших на него воинов, точно попав им в пах, и пока те отползали назад под недовольные крики зрителей, с трудом дотянул свою цепь до Лация. Размахнувшись, он хотел нанести удар Ю Лаю по голове, но тот был опытным бойцом и успел подставить палку. Второй удар, чуть слабее, пришёлся ему между ног. Охнув, Ю Лай согнулся пополам и отошёл назад.

– Бей между ног! Слабое место! – крикнул Лукро Лацию и поспешил на помощь к пришедшему в себя Марку. Краем глаза Лаций успел заметить на земле несколько белых халатов. Значит, длинные палки ханьцев всё-таки доставали римлян. Не все успевали уклониться от их ударов. Странно, но все вокруг продолжали сражаться, как и прежде. Никто не остановил бой и не стал снимать с римлян кожаные нагрудники...

– Брось медальон! – громко крикнул он Ю Лаю, который, держась за промежность, видимо, ещё не был готов нападать. – Его нельзя носить. Ты умрёшь! Поверь мне! – китаец остановился, криво усмехнулся и отошёл назад. Вместо него на Лация накинута два других воина. Они были не такими быстрыми и опытными, и ему удалось выхватить у них палки голыми руками, а потом нанести два удара по голове.

Ю Лай перешагнул через корчившиеся на земле тела своих товарищей и поднял к глазам медальон. Его губы растянулись в хищной улыбке, а в прищуренных глазах застыла ненависть. Прижав подбородок к груди, он ринулся вперёд. Однако его выпады теперь уже не казались Лацию такими быстрыми и страшными, как раньше. Он видел все движения и уклонялся раньше, чем тот успевал выбрасывать для защиты палку. Остальные воины в чёрных халатах тоже устали, но большинство римлян всё ещё продолжали стоять перед ними, как неуязвимые тени.

Наконец, Ю Лай отошёл назад и что-то выкрикнул, подняв руку над головой. Зрители замолчали. К императорским носилкам подошёл брат императрицы Ван Ман и, став на колени, тоже три раза коснулся лбом земли. За ним на коленях подполз Ю Лай. Император о чём-то спросил их. Отвечал, в основном, Ю Лай.

Лаций видел, как он снял с шеи его медальон и передал одному из слуг. Через какое-то время его вернули, и Ю Лай снова надел его на шею. Затем они оба отползли назад и встали. Воины в чёрных халатах стояли к ним спиной. Брат императрицы что-то приказал Ю Лаю, сделав решительный жест рукой. Вдалеке снова показались слуги с короткими палками наперевес.

– Взять мечи! – прозвучала громкая команда. В воздухе повисло молчание. Римляне поняли, что сейчас их будут убивать.

– Мы так не договаривались, – впервые за долгое время с испугом произнёс Лукро. – Он бросил взгляд на Лация, но тот сам видел, что ситуация становится безвыходной.

– Ван Ман! – громко крикнул он, обращаясь к стоявшему за спинами слуг худому чиновнику. – Император пообещал нам жизнь. Всем. Ты нарушаешь приказ императора.

Возникло неловкое молчание, и воины в замешательстве стали оборачиваться к своему господину. Тот медленно подошёл к Лацию и, остановившись в двух шагах, спокойно ответил:

– Император считает, что твоя сила была в медальоне. Теперь Премудрый Правитель хочет увидеть, как ты сможешь сражаться без него, – его слова сопровождал ровный, спокойный взгляд, без злости и раздражения, как будто речь шла о цвете глины у него под ногами.

– Этот медальон нельзя надевать. Он приносит смерть. Твой воин погибнет, – попытался сказать правду Лаций, но на лице Ван Мана не дрогнула ни одна мышца. Он только покачал головой, как бы соглашаясь с какими-то своими мыслями, и отошёл назад.

– Вперёд! – прозвучал приказ, и длинная чёрная шеренга двинулась вперёд.

– Дай нам мечи! – крикнул в отчаянии Лаций, но в ответ раздался довольный смех Ю Лая. Его воины легко отбивали палки римлян мечами и сбивали их с ног. Но они не убивали их. И даже не старались ранить. Это было похоже на издевательство, чтобы показать слабость и немощность безоружных пленников.

Лаций тоже побывал на земле уже три раза. С трудом вставая в очередной раз, он увидел, что противник уже готов снова ударить его мечом плашмя по голове и толкнуть руками в грудь, чтобы он упал. Ю Лай был слишком близко, и радостно улыбался, предвкушая скорый конец. Лаций вытянул вперёд палку, которую тот уже расщепил несколькими предыдущими ударами, и закачался на полусогнутых коленях, изображая усталость и беспомощность. Поведав в свою безнаказанность, Ю Лай потерял бдительность и небрежно ударил мечом по палке, стараясь выбить её из рук Лация. Но меч не встретил сопротивления и провалился в пустоту. Ханец на мгновение потерял равновесие и упал на одно колено, продолжая держать меч перед собой. Лаций ударил по нему сверху изо всех сил и выбил из рук. Второй удар расщеплённой палки пришёлся прямо по узлу волос на голове Ю Лая, и тот, хоть и не потерял сознание, но от неожиданности упал на четвереньки и замер. Когда он поднял голову, его шею коснулось лезвие меча.

– Не двигайся! – услышал он голос Лация, который стащил с него свой медальон и быстро вернул его на шею. Все ханские воины остановились и в нерешительности отошли назад. Они смотрели на большого раба, который держал меч у горла их товарища. – Эй, Ван Ман! Медальон ему не помог. Но он мне не враг. Я не хочу его убивать.

Возле носилок императора возникло какое-то оживление. Несколько слуг подбежали и упали ниц, потом отползли назад и подбежали к Ван Ману.

– Сын неба всё видел, – хмуро произнёс он, обращаясь к Лацию. Отпусти его! – он подождет, пока Ю Лай со злостью не оттолкнет от себя Лация и не вернется к нему. Затем продолжил: – Наш воин не убил тебя. Наш воин мог тебя убить. Ты не убил его. Но ты мог его убить. Император говорит, что вы будете драться снова. Эй! – он хлопнул в ладоши, подзывая слуг, – снимите с него цепь и дайте палку.

– Это нечестно! Дай мне меч! – крикнул Лаций, чувствуя, что его снова обманули.

– Пусть тебе поможет твой медальон, – с издёвкой ответил брат императрицы.

– Я не могу драться медальоном! Дай мне меч!

– Ты умеешь строить мосты из камней. Сделай себе меч! Попроси своих богов помочь тебе, – так же хладнокровно посоветовал Ван Ман и дал команду воинам разойтись в разные стороны. Двое слуг уже снимали с него железный шар, подложив под цепь камни и стуча по ней молотками, но Лаций всё ещё чувствовал напряжение. Чёрный нож надёжно был прикреплен под кожаным нагрудником, который уже стал мокрым и начинал растирать кожу под руками.

Когда сняли цепи, он опустился вниз, чтобы растереть ноги и незаметно переложить его за пояс. Дальше всё перестало существовать. Он помнил это ощущение крайнего напряжения, когда тело расслабляется, и глаза следят только за движениями стоящего впереди врага. Тот был моложе его и сильнее. И хотя ростом Лаций был на голову выше, ханец был широкоплечим, быстрым, ловким и, пожалуй, ничем ему не уступал, кроме опыта. К тому же он был очень зол и горел желанием унижить и растоптать непокорного раба.

Когда прозвучала команда, Ю Лай сразу же рванулся вперёд, яростно размахивая мечом из стороны в сторону, несколько раз ударил сверху, потом стал махать им перед собой, как будто пытался перерубить шёлковую ленточку, но его удары не достигали цели. Лаций с наслаждением и приятным удивлением ощущал лёгкость в ногах и очень умело передвигался вправо и влево, уходя от яростных атак разозлённого противника. Ему приходилось время от времени отбивать опасный меч палкой, но он старался не подставлять бамбук под прямой удар, потому что лезвие сразу бы перерубило его пополам.

Для зрителей этот бег по кругу выглядел скучно и однообразно, и только римляне, которые понимали, что он делает, стояли неподвижно, прислонившись спинами к стене и не отрывая глаз, следили за его ловкими движениями. Ю Лай стал уставать и время от времени останавливался, чтобы перевести дыхание.

– Помогите ему! – приказал недовольный брат императрицы, заметив знак одного из слуг около носилок императора – тот зевнул. Премудрый Правитель любил радостные праздники, а не долгие и нудные передвижения. Сейчас он начинал скучать. Сотня воинов села на землю и стала стучать мечами, задерживаясь на последнем движении: раз, два, три-и! Раз, два, три-и! Темп ударов нарастал, ханьцы сами начинали испытывать нервное возбуждение, и Лаций заметил, что эта поддержка придала его противнику сил. Надо было во что бы то ни стало выдержать этот последний натиск. Он не собирался убивать Ю Лая. Тот потерял очень много сил и скоро должен был сам упасть на землю от усталости. Надо было ему подыграть, и Лаций снова использовал тот приём, на котором поймал Ю Лая перед этим: он стал двигаться чуть медленнее, чаще останавливался на месте, тяжело дышал и всем своим видом показывал врагу, что устал.

В этот момент зазвучали барабаны. Похоже, ханьцы тоже поверили в то, что конец уже близок, и решили поддержать своего воина всеми силами. Видя, что удары Ю Лая стали очень медленными и долгими, Лаций стал подпускать его ближе и в какой-то момент поплатился за это – тот одним ударом отрубил большую часть палки, оставив у него в руках лишь короткий обрубок.

– Слава... Владыке... Неба... – с трудом переводя дыхание, попытался выкрикнуть он. Но лучше бы Ю Лай этого не делал, потому что его дыхание от этих выкриков сбилось и, когда он сделал выпад вперёд, Лаций без труда отвёл его меч в сторону. Однако удар был таким сильным, что обрубок бамбуковой палки вылетел из рук и упал на землю. Ю Лай, не удержавшись, проскочил вперёд, их тела столкнулись и оба, опешив от такого неожиданного движения, отскочили на шаг назад. Лаций опустился на одно колено, чтобы поднять палку, продолжая краем глаза следить за противником. Тот тяжело дышал, но его глаза горели таким огнём, что если бы он мог, то испепелил бы его одним взглядом.

Увидев Лация так близко и ещё на коленях, Ю Лай совсем потерял рассудок. Он схватил меч обеими руками, чтобы нанести последний решающий удар сверху. Однако Лаций разгадал его замысел. Их разделяли всего два шага... И вместо того чтобы отойти, он шагнул навстречу ханьскому воину...

Ю Лай замахнулся, уже видя, как разрубит упрямого врага пополам, но тот вдруг оказался прямо перед ним – его лицо находилось на расстоянии ладони и даже чувствовалось дыхание, горячее и ровное, как будто бритый светлокожий раб совсем не устал... Из пересохшего горла Ю Лая вырвался отчаянный крик ярости, он попытался опустить руки, чтобы завершить удар, но смог только толкнуть Лация в грудь. Не устояв, тот стал заваливаться назад. В глазах ханьского воина на мгновение промелькнула радость, он уже видел себя победителем, потому что раб в белом халате падал на спину и сейчас должен был умереть... Но в груди что-то мешало, не давая вдохнуть. И ещё было очень больно. Так больно, что он даже не мог пошевелиться. А раб так спокойно смотрел ему в глаза, что...

Понять это Ю Лай уже не успел. Он со всего размаха упал на Лация сверху и замер. Какое-то время оба тела неподвижно лежали на земле, как будто умерли по воле богов в одно и то же мгновение – чёрное и белое, с небольшими пятнами красного...

Все вокруг замолчали. Барабаны стихли, воины в чёрных халатах опустили мечи, а римляне подались вперёд, стараясь увидеть, что будет дальше. Рядом с телами стала расплываться тёмно-красная лужа. Но вот они зашевелились, и лежавшее сверху тело в чёрном халате медленно откатилось в сторону. Раб в белой накидке привстал, держа в руках окровавленный обломок бамбуковой палки, и закашлялся от пыли. Ткань на груди и плечах его халата была красного цвета. Он встал, и в этот момент все пришли в себя.

Римляне радостно закричали, а ханьцы кинулись к нему с криками ярости. Они окружили Лация, который был вынужден поднять меч врага и защищаться от посыпавшихся на него ударов. Ему повезло, что нападавшие мешали сами себе, поэтому он мог одним ударом отбивать сразу два или три вытянутых в его сторону меча. В душе Лаций в очередной раз поблагодарил богов за то, что у него не было цепей на ногах. Теперь он опасался только одного – копья. Его могли забросать копьями, и тогда он не смог бы отбивать их так, как мечи.

Шаг назад и выпад вперёд, шаг назад и удар по мечам, а потом снова выпад вперёд – он наносил только колющие удары, стараясь не пустить нападавших за спину. Вот один чересчур горячий воин вырвался вперёд и сразу же упал, держась за бок, потом другой схватился за бедро и опустился на одно колено, не в силах стоять на ногах. Когда третий, получив удар в низ живота, упал лицом в пыль, остальные на мгновение отхлынули назад и остановились.

– Стой! – поднял руку брат императрицы. Он снова, ничего не боясь, подошёл к Лацию и пристально посмотрел ему в глаза, затем вернулся к телу своего воина и опустился рядом. Перевернул его и положил руку на грудь. Кровь сочилась из раны прямо посередине груди, между рёбрами и животом. Вернувшись к носилкам императора, он снова опустился на колени и три раза коснулся лбом земли. Лаций не слышал, о чём они говорили, вокруг было много невысоких воинов в чёрных халатах, которые никак не могли понять, почему непобедимый Ю Лай лежит мёртвым, а этот мерзкий высокий раб со шрамом на лице стоит перед ними живой.

Прозвучали резкие, гортанные команды, и к римлянам подбежали слуги внутреннего двора. Ничего не объясняя, они стали выводить их за ворота. Сзади послышались звуки музыки, откуда-то появились носилки в форме кораблей и лодок, сотни босоногих людей с поднятыми над головой палками несли украшения, другие – ленты из голубой ткани, изображавшей воду, и всё это бесконечным потоком стало заплывать внутрь, как в пасть большой рыбы.

Охранники Бао Ши вместе с насупленным Фу Сином отвели римлян обратно в дом губернатора. Там на Лация снова надели цепь с шаром и забрали окровавленный халат. В сарае все стали кричать и расспрашивать его, как всё произошло, особенно Павел Домициан. Слепой на правах пострадавшего и обделённого зрителя сел рядом с Лацием и держал его за руку весь вечер, пока остальные обменивались впечатлениями.

Однако непонятное молчание охранников не предвещало ничего хорошего, и римляне постепенно начали строить догадки, понимая, что просто так всё это не кончится. Когда, сняв кожаные нагрудники, все разлеглись по углам и в сарае наступила тишина, Павел Домициан тихо спросил его:

– Как это случилось? Неужели ты правда убил его обрубок бамбука?

– Конечно, нет. Ножом. Но перед этим меня спас медальон. Он должен был проткнуть меня насквозь, но попал в него. Как когда-то в Эмилию...

– Да... – задумчиво протянул слепой певец. – Скажи, ты хочешь вернуться в Рим? – от неожиданности Лаций вздрогнул и повернулся к нему, хотя знал, что старый певец всё равно его не видит. – Чувствую, что хочешь, – с улыбкой добавил тот и крепко сжал рукой плечо. – Боги хранят тебя. Я вижу копьё Марса, которое пронзило врага. Это он помог тебе.

– Благодарю тебя, Павел, – прошептал в ответ Лаций и глубоко вздохнул.

Сегодня он выжил, хотя Чоу в это и не верила. Но на следующий день всё могло быть по-другому. Эта страна была опасной для него, для всех римлян. Люди здесь говорили не то, что думали, а думали совсем не то, что делали. И Лаций понимал, что верить нельзя было никому. Хотя в душе ему очень хотелось, чтобы Чоу Ли сдержала своё обещание.

ГЛАВА XI. УРОДЛИВЫЙ СТРАЖНИК ДЛЯ ПОСЛЕДНЕЙ НАЛОЖНИЦЫ

В комнатах наложниц в этот вечер было весело и празднично. Император проводил с ними третий день подряд. Все только и говорили о гибели несчастного Ю Лая, которого все женщины считали красивым и благородным. Наложницы ублажали императора, рассказывая ему невероятные истории и свои страхи о громадном белом рабе, который напугал их до смерти.

– Он такой ужасным, что его надо отправить охранять последнюю наложницу. Они подходят друг другу! – со смехом говорила Фу, намекая на то, что последней наложницей всегда была самая некрасивая девушка в гареме императора, к которой тот обычно никогда не заходил. Такие наложницы всегда заканчивали жизнь либо старыми девами, либо выпивали яд, не в силах вынести пытку одиночеством.

– В саду тоже работают такие страшные рабыни хунну, что мы боимся туда выходить, – пожаловалась Фэн, обиженно надув губки. – Говорят, они ненавидят нас за то, что мы убили их мужей.

Они долго несли всякую чепуху, развлекая правителя империи шутками и старыми весёлыми историями, потом играли на музыкальных инструментах и пели. Ещё одна ночь прошла приятно и незаметно. Все были довольны.

На следующий день император огласил своё решение прибывшим незадолго до этого в столицу генералу Чэнь Тану и губернатору Сяо. Оба были удивлены и с трудом смогли пролепетать слова благодарности. Но если Сяо был рад не только тому, что остался жив, но и тому, что в его судьбе ничего не изменилось, то Чэнь Тан, обнадеженный приятными слухами о благосклонности императора, был подавлен и угрюм.

– Ты молод и не ценишь жизнь, – вздохнул старый губернатор, устав объяснять ему, в чём заключается преимущество жизни в дальней провинции. – Там ты волен делать всё что угодно, а в центре или на востоке – нет! В центре везде доносчики главных министров. Но самое главное – ты жив! Так что радуйся! Такой возможности, может, больше никогда и не представится.

– Боюсь, точно не представится, – хмуро протянул Чэнь Тан, понимая, что от него просто избавились. Противник был слишком силён, и он ничего не мог сделать.

Вечером император чувствовал себя по-прежнему встревоженным. Через какое-то время он без предупреждения встал и направился к своей жене на женскую половину. Жена Ю Ван встретила его со сдержанной улыбкой, так как ожидала, что ночь в день праздника он проведёт с ней. Но его не было целых три ночи. Она уже знала всё, о чём он говорил с наложницами, но ждала, пока муж сам начнёт разговор.

Несколько раз Ю Ван пыталась напомнить ему о сыне, просила его встречаться с ним чаще, хотя бы раз в неделю. Однако все её просьбы вызывали у Императора только раздражение. Воспитанием юноши занимались евнухи, и Ю Ван видела, что кроме развлечений они ничего не делали. Играть было легко, потому что это нравилось их сыну и он не расстраивался, как во время встречи с учителями счёта и каллиграфии.

– Мы отправили Чэнь Тана служить в провинцию к губернатору Сяо. Но теперь нас стали волновать эти рабыни хунну, которые работают в садах. Они нам мешают... – он замолчал, думая, что сказать ещё. Его жена тоже молчала, опустив голову. Её губы тронула еле заметная улыбка, так как она знала, кого на самом деле волнует эта проблема, но ждала, пока муж сам предложит ей решение. Однако Юань Ди молчал, прохаживаясь из угла в угол.

– Может быть, их тоже отправить подальше? – осторожно предложила она. Император остановился и посмотрел на неё внимательным взглядом. Он ждал продолжения. Его жена

добавила: – Вместе с бледными рабами? Они тоже здесь не нужны. Кстати, в том году вода снесла все мосты и много деревень на реке Во. Пусть Бао Ши отправит их всех туда. Для них там много работы. Мужчинам нужны женщины, поэтому они не помешают местным жителям.

– Пожалуй, это правильно. Мы подумаем над этим.

– Сын Неба так мудро решил проблему с генералом Таном, но ещё остался брат Чжи Чжи. Он тоже может стать опасным... Не сейчас, но однажды...

– Хуханье? Но ведь он подписал договор и теперь наш слуга, – недовольно возразил император.

– Ты прав, Владыка Неба. Раньше его сдерживал старший брат. Теперь его нет. И он свободен. За это время у хунну родилось много детей. Кто-то из них может напасть на империю, которую охраняет Премудрый Правитель.

– Может и напасть... – Юань Ди озадаченно нахмурил брови и сел в кресло. Ю Ван терпеливо ждала. Два дня назад, когда служанки донесли ей о том, что наложницы Фу и Фан напомнили императору о последней наложнице, она испугалась не на шутку.

Это была страшная тайна. И сейчас она угрожала ей напрямую. Никто, кроме неё, не знал, что когда два года назад в гарем императора привезли пятнадцатилетнюю девушку по имени Ван Чжаоцзюнь²⁸, Ю Ван была одной из первых, кто услышал и оценил её игру на семиструнном инструменте цисяньцинь. Ещё тогда эта девушка произвела на императрицу сильное впечатление. Это юное создание было идеалом гармонии и красоты.

Не сдержавшись, Ю Ван сказала ей об этом в растроганных чувствах. Видимо, восприняв слова императрицы как наивысшую похвалу, девушка наотрез отказалась заплатить старшему евнуху Ши Сяню большую сумму за то, чтобы тот помог представить её императору. Платили все, поэтому такое поведение было неслыханным нарушением неписанных правил гарема. И, естественно, за ним должно было последовать наказание.

Так случилось, что через несколько дней императрица остыла и осознала угрозу, которую таила в себе красота новой наложницы. А оскорблённый старший евнух Ши Сянь кипел от злобы, придумывая одно наказание страшнее другого, но все они были слишком прямолинейными и заканчивались смертью. Однако в гареме нашлась одна служанка, которая как бы невзначай посетовала на то, что её красоту никто не изображает на картинах, а ведь она ничем не уступает этой новой юной наложнице. И будь она художником, то обязательно изуродовала бы её лицо.

Ши Сянь отличался хитрым умом, поэтому в его воображении сразу же возник план коварной мести, при этом он был уверен, что придумал его сам. Он сразу же наведёлся к придворному художнику, который по обычаю рисовал картины всех новых наложниц для последующего представления императору. Тот нарисовал юную красавицу Ван Чжаоцзюнь с родинками на щеках и шее. Поэтому, когда старший евнух принёс императору её портрет, тот с брезгливостью отвернулся и больше никогда не вспоминал о «последней наложнице». Ей дали имя Минфэй, после чего окончательно забыли. Девушка, не зная об этом, из гордости не напоминала о себе и не обращалась к евнухам, чтобы исправить своё положение, веря, что император рано или поздно вспомнит о ней. Жена императора вздохнула с облегчением и тоже забыла о ней. И вот теперь, услышав о «последней наложнице», она снова испугалась. – Хуханье нам пока не мешает, – наконец, произнёс император и перевёл взгляд на неё.

– Сын Неба прав, как всегда, – нежно ответила Ю Ван и склонила голову. – В последний раз, когда Хуханье приезжал сюда, он просил породниться с императором...

– Да, мы помним.

– Почему бы не подарить ему в знак наивысшей благодарности одну из наложниц? – её воркующая интонация не усыпила его, и Юань Ди сразу же настороженно спросил:

---

²⁸ Ван Чжаоцзюнь – одна из четырёх легендарных красавиц Китая родом из деревушки Баопин в уезде Цыгуй.

– Кого ты имеешь в виду?

– Минфэй. «Последнюю наложницу».

– Пусть принесут её портрет! – приказал он и, дождавшись евнуха с картиной, пренебрежительно усмехнулся. – Хуханье не очень обрадуется такому подарку.

– Подарок императора – всегда огромная честь. Особенно наложница из его гарема, – в тон ему, с лёгкой иронией добавила Ю Ван.

– Кстати, к её лицу очень подходит тот уродливый варвар со шрамом. От него исходит угроза. Я это чувствую. Он убил слугу твоего брата... и не нравится мне. Как и те певцы, которые пели под навесом. Слепой и молодой. Они чужие. И неприятные. Да, ты права, все эти страшные рабы похожи друг на друга и могут понравиться хунну. Хунну любят всё очень страшное, – Юань Ди впервые за долгое время рассмеялся, и его жена решила промолчать, чтобы не повлиять на принятое решение.

Сразу после этого разговора к губернатору Бао Ши был послан гонец. Ему было приказано забрать всех рабынь из садов внутреннего города и убрать их из столицы Чанъань вместе с бледными рабами. Второй гонец был отправлен к Великой Стене, на север, чтобы известить нового шаньюя Хуханье о великом подарке императора.

ГЛАВА XII. ЗНАКОМСТВО С НАЛОЖНИЦЕЙ МИН ФЭЙ

Римляне были рады, когда узнали, что их отправляют строить город. Но известие о том, что туда же привезут всех выживших женщин хунну, среди которых они надеялись найти своих жён, вызвало неописуемый восторг – все возбуждённо рассказывали друг другу, где и когда оставили их в столице Чжи Чжи, кого видели во время перехода, и жизнь теперь казалась им не такой ужасной, как ещё несколько дней назад.

Около тридцати человек не могли передвигаться из-за ран, полученных во внутреннем городе, но убитых не было. И это тоже казалось чудом. Однако через день пришла другая новость – Лация, Павла Домициана и Зенон оставляли в столице. Их должны были отправить к новому шаньюю Хуханье. Больше пока ничего не было известно. Однако этой же ночью снова появился старый проводник Годзю, который рассказал Лацию, что его ждёт.

Приказ императора гласил, что раба со шрамом и двух певцов он дарит новому шаньюю хунну вместе с одной из наложниц, как знак наивеличайшей милости. Женщина должна будет стать женой Хуханье и укрепить мир. Об этом ходит много слухов, но все они странные. Понятно было одно – император хотел приблизить нового шаньюя и избежать нападений на империю Хань. Но зачем вместе с наложницей дарит трёх римлян, никто не знал.

Старый кочевник пока ничем не мог помочь, потому что уезжал по просьбе губернатора на запад, в долину своенравной реки Во. Там надо было найти удобное место для постройки города. Но он пообещал, что узнает, куда их отвезут и где они будут жить за Великой Стеной. Тогда можно будет выкупить их, так он сказал. Юные братья были настолько расстроены этой новостью, что расплакались и забились в угол.

Лаций тоже переживал. Он не мог поговорить с Чоу, не знал, выжила ли Саэт, и если да, то как переживёт разлуку с Зеноном. Ему было трудно понять, почему Фортуна сначала поманила его надеждой, а теперь снова решила наказывать.

Павел Домициан воспринял этот удар судьбы стойко. Он понимал Лация, но надеялся, что новому шаньюю понравятся его песни, и он сможет там выжить. Старому кочевнику Годзю он не верил, считая того предателем. Зенон всю ночь плакал и ворочался, не в состоянии уснуть. Марк успокаивал его, но ему самому было нелегко.

Лаций всё это слышал и долго не мог заснуть. Только на рассвете он забылся коротким, тревожным сном. Ему приснился Чжи Чжи со стрелой в носу. Шаньюй всё время смеялся, булькая кровяными пузырями из раскрытого рта, и стрела вместо носа дёргалась в такт его смеху. Потом появился старший ханьский евнух, его сменил погибший воин в чёрном халате с застывшим в глазах удивлением, ему на смену пришла Эмилия, но почему-то её лицо закрывало облако. Лаций слышал, как она плачет. Её фигура проплыла мимо и исчезла. Последним появился начальник стражи Фу Син. Но он никуда не исчезал. Только сильнее и сильнее тряс его за плечо, недовольно повторяя какие-то слова.

Наконец, Лаций проснулся и понял, что начальник стражи не спит и пытается его разбудить. Прощание с товарищами было тяжёлым. Лаций и Зенон тащили свои железные шары, как обреченные на смерть. Павел держался за верёвку, привязанную к поясу Лация. Римляне опускали взгляды, у многих на глазах были слёзы. Им уже сняли цепи и заменили на верёвки, которые не растирали ноги так сильно, как железо. Марк с Зеноном обнялись и долго не могли расстаться. Их силой оторвали друг от друга и несколько раз ударили палкой.

Дорогу до ворот дворца Лаций не помнил. Старый сарай для него сразу сменился маленькой комнатой, где они провели всю ночь и следующее утро. Во второй половине дня пришли евнухи и приказали следовать за ними. Лаций проверил привязанный под поясом нож и поду-

мал, что закончить жизнь, убив несколько евнухов, тоже неплохо. Хотя глупо и не так почётно, как в бою, с мечом в руках. Наверное, погибнуть от руки молодого воина в чёрном халате было бы намного лучше, чем в полутёмной комнате, где их собирались сделать бесполовыми существами, но выбирать не приходилось.

Однако оскоплять их никто не собирался. Евнухи показали, где помыться и какую одежду надеть. Потом отошли в сторону и стали ждать. После того как они помылись, их повели странными узкими улочками между высокими стенами и вывели в небольшой сад. Там было около десяти деревьев, похожих на вишню. Евнух поклонился одетой в светло-зелёный халат фигуре на лавочке под деревом и повернулся к Павлу Домициану.

– Ты будешь петь вместе с Минфэй. Она будет говорить тебе, что делать. И твоему сыну. А ты, – обратился он к Лацию, – должен будешь стоять и слушать. Если тебя будут спрашивать, ты должен отвечать. Если нет, молчи! – евнух отошёл к лавке и сел позади девушки. С другой стороны стал второй евнух. Ещё пять или шесть сидели под деревьями. Они держали в руках какие-то музыкальные инструменты со струнами, маленькие бубны, медные тарелки, колокольчики и флейты. Рядом лежали цветы. Совсем свежие. Лаций вдруг понял, что на сегодня его долгая дорога в неприятное будущее закончилась.

– Подойдите ближе! – раздался звонкий голос с лёгким оттенком грусти. Павел и Зенон приблизились. Лаций стал у них за спиной. Минфэй оказалась очень милостивой девушкой с невероятно правильными чертами лица, маленьким носиком и тонкими бровями. Только глаза были непохожими на глаза других ханьских женщин, они были шире и больше, притягивая к себе взгляд. Чёрные ресницы ещё сильнее увеличивали это впечатление, и, казалось, что они занимают большую часть лица. Маленький носик и аккуратные губы не портили, а дополняли эту красоту. В ушах висели две серёжки, к которым снизу были прикреплены два полупрозрачных шарика из драгоценного камня цвета морской волны. Волосы были собраны на голове в причудливую причёску: узел на затылке скрепляли три золотые спицы. От него в разные стороны отходили два пучка волос, которые, не касаясь ушей, плавными полукругами опускались дальше вниз, к тонкой нежной шее. Верхнюю часть волос от затылка до лба закрывала красивая композиция из золотых цветов с камнями и жемчугом. На лбу она переходила в тонкую сеточку из крошечных блестящих камешков и заканчивалась в форме треугольника, направленного между бровей к носу. Там же, на самом краю был закреплён маленький овальный медальон с красным камнем. Воротник халата был поднят и огибал её шею ровной плавной линией, подчёркивая контуры лица. «Драгоценная птичка в золотой клетке», – подумал Лаций. Девушка подняла веер и сделала знак евнуху. Тот сразу принёс ей длинный инструмент с несколькими струнами. – Спойте мне ваши песни, – попросила она, и Павел с Зеноном стали петь то, что выучили во время перехода в столицу. Минфэй подыгрывала им, находя правильные звуки, и вскоре они уже пробовали петь вместе. Лаций скучал и молчал.

Через несколько дней девушка стала расспрашивать их о хунну и Парфии, Азии и Риме. При этом, слушая рассказы Лация или Павла, она рисовала на длинных полосах бумаги странные рисунки из линий, которые привлекли внимание Лация больше, чем пустые разговоры о непонятной ему гармонии.

– Красота всегда связана с силой тела и гибкостью ума, – ответил ей однажды Павел, когда Минфэй однажды попросила описать его это слово. – Сильный человек подобен большому высокому дереву, но сильный ветер может сломать его. А умный человек похож на травинку, ей ветер не страшен, но любое животное может наступить на неё или съесть, – с вдохновением рассказывал он, польщённый её вниманием. – Поэтому важно быть сильным и гибким.

– Как странно. Я считаю, что красота – это гармония четырёх начал, – ответила Минфэй. – Первое – это ритм. Вот этот семиструнный цисяньцин²⁹ помогает понять весь мир

---

²⁹ 7-струнный щипковый музыкальный инструмент, разновидность цитры. Имеет продолговатый корпус в виде деревян-

и всех людей. Он отражает струны их души. Второе – это понимание символов и красок природы. Для этого надо уметь рисовать и читать картины других. Третье – это гармония. Гармония помогает воспринимать каждый день по-новому и находить в нём что-то новое. То, что было большим вчера, сегодня может стать маленьким. А маленькое – большим. Но они всегда будут вместе в одно и то же время. Этому учит каллиграфия. Мы учимся писать с детства. Четвёртое – это умение думать, рассуждать. Мысль бесконечна, она не может прерваться или остановиться. Чтобы понять это, надо постоянно вести её между двумя противоположными силами, которых в природе очень много.

– И это всё должен уметь мужчина? – не выдержав, спросил Лаций.

– Нет. Зачем? Мужчине не надо владеть красотой. Ему надо владеть женщиной, – с наивной улыбкой, как будто учила его прописным истинам, ответила наложница.

Вернувшись вечером в комнату, Лаций назвал её ханьским Цицероном, на что Павел и Зенон с жаром возразили, что он не чувствует её слов и мыслей, которые похожи на прекрасных птиц в голубом небе.

– Да я половину слов не знаю, которые она говорит! – возмутился он и с раздражением добавлял: – И знать не хочу. Зачем они мне? Они вам, что, петь помогают? Тебе хорошо, у тебя цепей на ногах нет. Можешь с места на место ходить. А для меня это тяжело.

– Ты прав, – соглашался Павел. – Вот, один из евнухов сказал, что у неё «рот, как водопад», а для меня она звучит, как горный ручей...

– Замолчи, ты, ручей! – не выдержал Лаций. – И так тяжело!

– А мне не очень тяжело, – неожиданно вставил Зенон и покраснел. – Она такая добрая и красивая...

Павел Домициан, вздохнув, пробормотал:

– Может, эта красота разжалобит наших богов и спасёт нас от смерти. Как ты думаешь? Хунну просто так кормить не будут. Кто сейчас там с тобой стадом поделится? Только пение и прокормит. Там народ дикий, сам знаешь.

Лаций в таких случаях махал рукой и ложился в угол, чтобы дать отдых уставшим ногам. Зенон оставался со слепым певцом, и они, бывало, до глубокой ночи обсуждали слова императорской наложницы.

Однажды она спросила Лация, чего бы он хотел больше всего на свете.

– Вернуться домой, – сразу же ответил он. – Жаль только, боги не хотят мне помочь.

– Разве боги не дают тебе счастье? Ты жив, – удивилась она.

– Ему, может, и дают, – кивнул Лаций в сторону Павла. – Он живёт своими песнями. Он всегда рад, когда его слушают. А мне здесь жизни нет. Я не умею петь. Мука одна.

– А тебе, юноша? – повернулась она к Зенону.

– Не знаю, – замялся тот. – Мне сложно судить, я ещё молод. Когда я пою здесь, мне хорошо. Но когда возвращаюсь назад, то плохо, – он опустил взгляд и снова покраснел. Лаций с пониманием вздохнул и, скривив лицо, отвернулся. Красавица явно нравилась подростку, но ему было от этого не легче.

Время шло, и скоро должен был приехать новый шаньюй хунну. Поэтому Лацию хотелось, чтобы это время либо пролетело быстрее и он смог наконец понять, как ему жить дальше, либо случилось что-нибудь такое, что снова изменило бы его судьбу.

– Вы никогда не видели гармонию звёзд. Сегодня вы сможете вернуться сюда вечером, и я покажу вам их красоту, – сказала наложница. Зенон и Павел были вне себя от счастья. Недовольным остался один Лаций.

Вскоре им принесли немного еды. Проглотив свою часть и запив водой, он плавно сполз под дерево и сразу же заснул крепким сном, не слушая разговоры наложницы со своими това-

рищами. Заметив это, Минфэй на следующий день предложила ему остаться в той комнате, где их держали по ночам. Лаций был рад этому предложению и искренне поблагодарил её.

Через несколько дней, буквально накануне приезда послов шаньюя, произошёл случай, о котором Лаций не рассказал им, но который заставил его насторожиться. Когда они все втроём были в комнате для умываний, у него вдруг исчез нож. Он так привык, что тот всегда был привязан под рубашкой на поясе, что даже забыл о нём. Лишь одевшись, он вдруг понял, что не чувствует сбоку привычной тяжести. Он кинулся искать его под лавкой и за бочками с водой, но ножа нигде не было. Никто ничего не говорил, евнухи не задавали никаких вопросов – всё было, как обычно. Только ножа не было.

Весь день Лаций ломал голову над этим, но так и не мог вспомнить, был ли нож у него до того, как они пришли мыться, или нет. А утром, когда на небе ещё только занималась заря и сон был таким сладким, что не хотелось даже шевелиться, его неожиданно разбудил Павел.

– Ты что? – недовольно спросил Лаций, с недоумением моргая и пытаясь понять, что произошло. На стене ещё не было видно полосы света – значит, солнце ещё даже не встало.

– Тише, тише, – умоляющим голосом прошептал слепой певец. Его слова напомнили о вчерашней пропаже. Сон как рукой сняло, и в груди сразу заняло от неприятного предчувствия.

– Нашли? – шёпотом спросил он.

– Что нашли? – опешил Павел. Было видно, что он собирался рассказать не об этом.

– Нож нашли?

– Нож? Ах, вот оно что! – он поднял брови вверх и задумчиво покачал головой. – Теперь понятно...

– Да что понятно?! Говори ты скорей! Что случилось? – Лаций посмотрел на Зенона, но тот растерянно развёл руками в стороны.

– Мы пели в саду. Я заснул. Потом он меня разбудил и сказал идти обратно. Вот и всё.

– Помолчи, – прервал его Павел и рассказал, что произошло. Они вдвоём остались с наложницей Минфэй слушать ночную гармонию и стихи о красоте ночи. Она читала им долго, пока не устала. Евнухи проводили её во внутренние комнаты. А Павел с Зеноном подошли к самому краю каменного ограждения, ожидая стражников. Юноша хотел посмотреть на звёзды не сквозь ветки деревьев. Обычно воины и евнухи возвращались сразу, поэтому они спокойно ждали их у ограды.

Однако время шло, и никого не было. Зенон присел на землю и заснул. Когда раздался голоса, Павел хотел сначала разбудить его, чтобы поспешить им навстречу, но что-то в их интонации насторожило его. Они вели себя слишком нервно. Это были старший евнух и две женщины. Ши Сянь показывал им, где сидит наложница, где стоят рабы, что они поют, когда уходят и кто их уводит. Они говорили о наложнице Минфэй и большом рабе со шрамом на лице. Две женщины постоянно напоминали старшему евнуху, что наложнице надо сделать такие же шрамы, как у Лация, чтобы испортить её красоту. Тот ответил им, что у него есть нож, которым это можно сделать. И есть человек, который сделает это. В итоге виноват будет раб со шрамом, как он сказал.

У старшего евнуха были свои счёты с Минфэй. Она никогда не платила ему и его слугам, поэтому он хотел её наказать. Две женщины были рады услышать такие слова. Они хотели знать, где можно было бы спрятаться, чтобы увидеть, как всё произойдёт. Но старший евнух Ши Сянь сказал, что ночью это невозможно. Будет темно, и они ничего не увидят. Но главное, их могут хватиться на женской половине, и тогда беды не миновать.

Лаций сидел, тупо глядя на появившееся на стене пятно света. Лицо ничего не выражало, но мысли уже были там, в саду, где ночью его ножом должны были изрезать лицо Минфэй. Всё было ясно и понятно. Люди везде были одинаковыми. Он рассказал Павлу о своих подозрениях и пропаже ножа. Тот сразу всё понял.

– Может, лучше ей рассказать? – с жалостью в голосе спросил Зенон.

– Подожди, дай подумать, – не глядя на него, пробормотал Лаций. Слепой певец только вздохнул, понимая, что юношей руководит любовь к красивой наложнице. Но сейчас надо было думать о своём спасении, а не её красоте.

Целый день их никуда не выводили. Ближе к вечеру всё объяснилось – в столицу приехал посол шаньюя хунну и сообщил, что завтра должен прибыть сам Хуханье. Полдня эту новость сообщали по всему дворцу, пока не донесли до Минфэй. Это потребовало от неё слов благодарности и признательности, которые должны были записать и передать императору. В этот день она должна была провести последний вечер «в тихой гармонии душ» с двумя певцами.

– Слушай, как можно свалить вину на меня, если я буду там? – спросил Лаций.

– Только убить тебя, – задумчиво ответил Павел. – Или напоить вином, чтобы ты заснул, а потом вложить в руку нож. Ну а как ещё? Не знаю даже...

– Получается, мне надо остаться здесь, чтобы там меня не стукнули по голове или не отравили, – сокрушался Лаций. – Но меня могут и здесь убить, а потом выволочь тело в сад.

– Да, боги запутали наши пути невозможно... – философски заметил слепой певец.

– Можно сказать ей, чтобы спряталась, а Павел сядет на её место. У него голос звучит как у неё. Никто не заметит. Особенно если под струны петь, – предложил Зенон.

– Ну ты сказал! Какое там похож! Немного так... я просто подражаю, – засмутился польщённый певец, – только когда мы поём вместе, ну, ты знаешь, иногда получается, да. Она – само совершенство...

– Подожди! – прервал его Лаций. – Кажется, я знаю, что делать. Ну-ка, расскажи мне ещё раз об этой красоте и гармонии! – потребовал он от Домициана и крепко схватил его за плечи. Слепой певец стал сбивчиво объяснить ему всё то, что за две недели успела поведать им «последняя наложница» императора. Выслушав его, Лаций некоторое время обдумывал услышанное и потом вкратце рассказал ему свой план.

ГЛАВА XIII. СПАСЕНИЕ С НЕПОНЯТЫМИ ПОСЛЕДСТВИЯМИ

Во второй половине дня евнухи, как всегда, лениво вывели римлян из комнаты и повели по ступенькам в сад. По безбородым лицам ханьцев было видно, что вся эта церемония им сильно надоела и они явно скучали. Вместо того чтобы искать выгоду и получать подарки от других наложниц, хранители гарема вынуждены были стоять или сидеть, слушая изо дня в день одно и то же. Лаций догадывался, что эти люди явно не участвовали в заговоре старшего евнуха. При них он вряд ли рискнул бы напасть на наложницу. Значит, нападение совершат ночью, когда вокруг будет темно и все будут в полудрёме сидеть у деревьев. Или уйдут. Поэтому времени будет мало...

Они поприветствовали Минфэй, и та сообщила им, что это последний день их встречи. Завтра должен приехать шаньюй, и они последуют за ним в земли хунну. Павел спел вместе с ней несколько печальных песен, потом они с Зеноном исполнили её любимый многоголосный гимн и только Лаций не разделял их трогательно-прощального настроения, всё время поглядывая на тени и солнце. Как только оранжевый круг приблизился к горизонту, он покашлял и Павел предложил Минфэй чуть-чуть отдохнуть.

Лаций сразу же отодвинул слепого певца назад и спросил наложницу о ханьском театре. В нём играют одни мужчины, и это казалось Лацию нарушением гармонии, о которой она так много говорила. Пока Минфэй искренне рассказывала ему о театре и музыке, актёрах и сценах, он делал вид, что слушает, а потом, улучив момент, предложил:

– Госпожа, получается, театр – это часть гармонии?

– Да, конечно! – сразу же подтвердила она.

– И ты говорила, что в каждой части красоты важно увидеть себя со стороны. Как мы видим природу, так?

– Ты правильно всё понял. Ведь «внешняя картина порождается сердцем».

– Э-э... я не совсем уловил последние слова, но неважно! Ты знаешь, я так часто путаю твой голос с голосом моего слепого друга. Иногда он подражает тебе и становится частью тебя.

– Да? Возможно, его душа начинает ощущать гармонию...

– А могла бы ты попросить евнухов дать ему женский халат и рубашку с длинными рукавами, чтобы посмотреть на себя со стороны?

– Со стороны? – удивлённо переспросила она.

– Да, со стороны. Ты же сама говорила, что это интересно и важно уметь видеть себя со стороны. Павел сядет на твоё место, а ты послушаешь, как он поёт твоим голосом. Как ты сказала... внешняя картина, кажется?

– О, да! Мы могли бы даже поменяться песнями. Это так интересно! – наконец, загорелась его идеей Минфэй. Она сразу же позвала свою служанку и отправила её вместе с евнухом за платьем.

Лаций внимательно следил за остальными слугами. Те сидели на своих местах и полусонно кивали головами. Это ещё раз убедило его в том, что эти люди ничего не знали – их тёмные, мешкообразные тени под деревьями продолжали лениво слушать игру музыкального инструмента, постепенно сливаясь с темнотой.

Вместе с халатом служанка принесла два светильника. Их поставили рядом с лавкой. Тени уже начинали растворяться в наступающих сумерках, и на небе появились первые звёзды. Зенон натянул на Павла рубашку и длинный халат, и тот стал похож на Минфэй. Сходство стало особенно поразительным, когда он сел на лавку и взял в руки многострунный инструмент.

Следуя замыслу Лация, Павел начал предлагать ей те песни, которые девушка любила больше всего, и старался повторять её интонации, – грустные или весёлые, – чем постоянно вызывал у неё искренний восторг. Минфэй давно так не радовалась. Было довольно темно, и, хотя луна в эту ночь была яркой, Лаций постоянно оглядывался по сторонам, стараясь увидеть или услышать приближение опасности. Но всё было тихо. Это заставляло его нервничать всё больше и больше.

Стараясь справиться с волнением, Лаций предложил Минфэй подойти к краю каменного ограждения, чтобы лучше видеть звёзды. На самом деле, так он хотел избежать нападения хотя бы с одной стороны, со стороны стены. Смотреть в одном направлении было легче, чем крутить головой во все стороны. Юноша взял слепого певца под локоть и помогал ему идти, как будто это была наложница. Та следовала за ними в двух шагах и уже за ней, зевая и покачиваясь, плелись две служанки и два евнуха. Чуть дальше, отстав на несколько шагов, тихо передвигался Лаций. Он постоянно оглядывался на дремлющие фигуры евнухов и чёрные тени деревьев, чувствуя, что напряжение нарастает.

Тихий шорох и еле слышный глухой удар о землю заставили его повернуть голову в ту сторону, откуда донеслись эти звуки. К его ужасу, это было прямо перед Павлом и Зеноном. Минфэй стояла чуть правее, и Зенон специально шёл так, чтобы закрывать её. Лаций увидел, как спрыгнувшая с каменного ограждения фигура поднялась и сделала шаг вперёд. Зенон оказался у него на пути и сразу же получил удар в живот. Застонав, он упал на землю. Всё произошло так быстро, что никто не успел даже понять, что произошло. Лаций ещё только делал первый шаг в его сторону, проклиная тяжёлый шар, а незнакомец уже стоял перед Павлом Домицианом.

– Же ши сиванг³⁰? – спросил слепой певец дрогнувшим голосом, и чёрная тень, вздрогнув, замерла. Незнакомец понял, что перед ним мужчина, а не женщина.

– Ты кто? – растерянно спросил нападавший и сразу же получил удар в голову. Его нанёс Лаций. Две служанки, наконец, пришли в себя, и их дикие крики разбудили остальных евнухов. Они сразу окружили Минфэй, и мгновенно, как будто только и ждал этого момента, перед ними появился старший евнух с другими слугами. В руках у них были факелы, и Лаций обратил внимание, что все, кроме Ши Сяня, выглядели заспанными и заправляли на ходу свои халаты.

Присев рядом с Зеноном, Лаций осмотрел рану, но, похоже, удар был несильным и прошёл по касательной, не задев внутренностей. Нападавшего сразу же схватили и куда-то унесли. Наложницу в сопровождении служанок и нескольких евнухов тоже отправили в свою комнату. У стены остались только Лаций с Павлом Домицианом и раненый Зенон. Перед ними молчаливо прохаживался старший евнух. Было видно, что он пребывает в нерешительности. Остановившись перед слепым певцом, он вдруг увидел на нём женский халат, и его лицо исказилось в гримасе гнева.

– Мы пели... – проблеял Павел Домициан, но ответа не последовало. В глазах Ши Сяня промелькнула искра ярости, но он сдержался и отошёл в сторону. Лаций понял, что тот обо всём догадался. Значит, теперь этот беспольный мститель обратит свой гнев на них. И это было опасно.

– Отведите их обратно! – со злостью бросил старший евнух своим помощникам и быстрым шагом направился к дальнему входу. Подняв железный шар на цепи, Лаций чуть отошёл в сторону, пока Домициан что-то говорил евнухам, который снимали с него женский халат. Возле самой ограды, почти впритык к стене, виднелся продолговатый предмет. Опустив шар, Лаций присел и осторожно накрыл его ладонью. Это был его нож! Не поднимая головы, он выпрямился и, повторяя на крики евнухов неизменное «хао, хао», направился вслед за Павлом к ближнему входу. Рядом, на куске ткани, слуги несли раненого Зенона.

---

³⁰ Это смерть? (кит.).

Когда дверь закрыли и в комнате воцарилась тишина, раздался обиженный голос Павла Домициана:

– Они забрали халат... От него так нежно пахло лепестками розы!

– Тебя могли убить, какой халат! – недовольно пробурчал Лаций, вина себя в том, что не шёл рядом со слепым другом и доверил это Зенону.

– Эх, что такое смерть? Лишь часть красоты, – мечтательно произнёс Павел. – А куда они унесли Зенона?

– Думаю, его принесут обратно. Он – раб императора. Посмотрят, что с раной и вернут. Поверь.

Зенона действительно скоро принесли обратно. Рану прижгли, но больше ничего не сделали. Юноша тихо стонал в углу от жгучей боли, а Павел Домициан ещё долго мечтательно вздыхал, вспоминая запах волшебного халата наложницы Минфэй. Один Лаций угрюмо смотрел перед собой, настороженно прислушиваясь к шорохам в темноте. До утра могло произойти всё что угодно, и ему не хотелось, чтобы это случилось, когда он будет спать.

ГЛАВА XIV. «ПЕРСИКОВАЯ РОЩА» В ДОМЕ ГУБЕРНАТОРА БАО ШИ

Весь следующий день их продержали в том же мрачном помещении, что и раньше, не выводя наружу. К Зенону несколько раз приходили евнухи с лекарем. Сначала тот его осмотрел, а потом наложил какие-то мази. Рана была неопасная, но было жарко и туда могла попасть грязь. Нож прорезал мышцы на животе и сбоку, над бедром, не задев внутренностей. Жара не было, и Лаций надеялся, что через неделю она начнёт затягиваться. Они провели день в коротких разговорах, не в силах обсуждать одно и то же уже в сотый раз, и только под вечер узнали, что во дворце в это время встречали шаньюя хунну.

Всю ночь Лаций снова спал с перерывами, чувствуя опасность и боясь расслабиться. Он провалился в глубокий сон только утром, когда проснулись Зенон и Павел. Но уже после полудня его разбудили, и евнух приказал всем троем выйти из комнаты. Ничего не говоря, их довели до ворот внутреннего города и передали начальнику охраны Фу Сину.

– Что случилось? – выйдя за ворота, сразу же спросил его Лаций. Тот посмотрел на стражников и ответил, как всегда, коротко и просто:

– Вас отведут в дом губернатора Бао Ши.

– И что? Кто ждёт? Почему нас туда ведут? Ты можешь что-нибудь сказать? Годзю там? Нет? Тогда что случилось? Зачем столько стражников? Тут человек двадцать... – спрашивали наперебой Лаций и Павел Домициан, который почему-то считал, что начальник охраны расположен к нему больше, чем к другим. Но Фу Син так ничего и не ответил им до самого дома губернатора.

– Сними, сними с них цепи! – неожиданно засуетился Бао Ши, когда они только вошли в ворота. Это было неслыханно – губернатор ждал их на ступенях своего роскошного дома! Лаций с недоверием остановился и обвёл внутренний двор взглядом. – Император воистину всемогущ и добр к нам! Он – светило дня и ночи! Благодарность наша не может заполнить чашу его мудрости, – вздыхал, закатывая глаза к небу, блестящий чёрный халат с жёлтым лицом и двумя синими мешками под глазами. Чиновники из дворца передали ему какой-то свиток, он с поклоном принял его и ещё долго обменивался с ними необходимыми церемониальными поклонами и словами.

Удивлённые и немного испуганные Лаций и Павел сидели на лавке у небольшой кузницы, наблюдая за всем этим, и ничего не понимали. Зенон лежал рядом и молчал. Слуги сбивали им цепи, стараясь не повредить кожу на ногах, и это тоже было удивительно, как будто римляне в один миг превратились из рабов в долгожданных гостей. Но когда посланники императора ушли, Бао Ши развернулся и ушёл в дом, даже не посмотрев на них. Лация, Зенона и Павла провели всё в тот же сарай, где совсем недавно их держали с остальными рабами. Туда же принесли воду и немного еды. В этот день им удалось узнать лишь то, что наложница Минфэй почему-то смогла убедить императора оставить их в столице и не отправлять в становище хунну.

На следующее утро ситуация прояснилась. Из внутреннего города, где продолжались празднования, пришли два евнуха. Губернатор был в это время на праздничном приёме в честь отъезда шаньюя хунну. Евнухи сказали, что им надо увидеть раба по имени Ла Цзы. Слуги с почтением провели их на задний двор. Лаций был невероятно удивлён их появлением, но старался сохранить на лице спокойствие, а Павел Домициан, наоборот, поприветствовал, как будто давно ждал. Евнухи рассказали, что их прислала Минфэй со следующими словами:

– Большому Ла Цзы нечего делать в становище хунну. Его сила мешает его разуму, и он может погубить там и себя, и других. Ла Цзы хочет домой. Но хунну живут в степи, из которой

нет дороги домой. Ближняя дорога начинается в империи Хань. Великий голос слепого покорил сердце госпожи, но хунну ещё не научились ценить такой дар. Госпожа будет учить их, но не хочет, чтобы слепой певец остался без внимания и почёта, которые заслуживает больше других. Более того, из зависти его могут убить, а это будет величайшим нарушением гармонии и красоты. Поэтому для него лучше остаться в империи Хань, где его голос везде будут слушать с уважением и почётом. Юный Зе Ной не достоин превратиться в пастуха овец и буйволов за Великой Стеной. Он молод и силён, но глаза выдают его чувства. Поэтому, как только он доедет до становища хунну, его убьют за чувства сердца. Госпожа понимает Зе Ноя, она читает его сердце, но судьба госпожи – служить императору, который заботится обо всех людях империи Хань. Госпожа всегда будет помнить трёх храбрых луома рен, которые спасли её красоту и стали на пути зависти и злости. Госпожа просит принять эти слова из уст её слуг. Она не может написать эти слова на бумаге.

Сказав всё это, евнухи встали и, поклонившись, ушли. Лаций с недоумением посмотрел на Павла, но тот витал в облаках от счастья. Зенон с грустным лицом лежал рядом, уставившись потерянным взглядом в стену.

– Она прекрасна, – прошептал он и вздохнул.

– Кажется, вам всё понятно, и только я один остался тут дураком, – возмутился Лаций.

– Ты «увидел мало, но многому удивился», так они говорят, – ответил ему Павел Домициан с таким важным видом, как будто его назначили губернатором. Лаций стал ругаться, проклиная всех ханьцев и их странные выражения, но его больше никто не слушал. Вечером, когда из дворца вернулся губернатор с женой, словоохотливые слуги сообщили много других сплетен.

Когда император увидел, кем была всё это время «последняя наложница», он очень расстроился. Он понял, что его обманули. Придворного художника в этот же вечер казнили. Император спросил Минфэй, какое желание он мог бы для неё исполнить перед отъездом. Наложница попросила его отпустить трёх римских рабов. Она сказала, что они принесут больше пользы и славы империи Хань, если останутся здесь. Все были удивлены этой просьбе. Но слово императора – закон.

Ещё говорили, что накануне ночью во дворец пробрался убийца. Он хотел причинить вред любимым наложницам императора, но был убит. Услышав это, Лаций бросил взгляд на Зенона и Павла. Те с пониманием улыбнулись, а Домициан даже повздыхал, изображая удивление и страх. Они прекрасно знали, что этот убийца был нанят старшим евнухом, чтобы испортить лицо Минфэй, а когда ничего не получилось, его просто-напросто умертвили, обвинив совсем в другом.

На следующий день к римлянам приставили по служанке, каждая из которых стала рассказывать о правилах и порядках в доме, о слугах губернатора, о чиновниках и времени приёмов, о работе и праздниках. К вечеру Лаций понял, что им придётся сопровождать губернатора в поездке по большой реке. Там их будут показывать мелким чиновникам из местных уездов. В конце концов, они доберутся до того места, где в это время находились остальные римляне, чтобы присоединиться к ним для постройки нового города.

С наступлением темноты служанки не ушли. Они остались в большой комнате, где жили трое римлян, и стали готовить им постель, если это можно было так назвать. Циновка, валик из сжатой соломы, перевязанный верёвкой, и чашка воды, чтобы пить ночью, не выходя из дома. Сделав всё это, девушки тихо сели у входа. Затем пришли три пожилые женщины, одна из которых, поговорив со служанкой Зенона, покинула комнату, а остальные две остались. Поставив невысокие перегородки, они разделили комнату на три части и дали ханьским девушкам веера. Затем поставили у перегородок маленькие светильники с крошечными огоньками, которые почти ничего не освещали, и сели на пол у стены.

– Зачем они тут? – с недоумением спросил Лаций у своей служанки, опускаясь на циновку. – А ты, что, тоже будешь здесь?

– Мой господин должен познать все законы этого благородного дома. Мой господин должен чувствовать себя очень хорошо, чтобы радоваться в этом доме. Старшие служанки будут следить, чтобы я понравилась господину.

– Что-о-о?.. Я ничего не понимаю. Павел, ты слышишь? Что они хотят от нас? – повысил он голос, спрашивая слепого певца, который находился в двух шагах с другой стороны за перегородкой. Рядом с ним тоже была служанка.

– Это удача, друг мой. Радуйся и внимай! Для нас это – «персиковая роща». Боги шлют нам счастье за долгие годы мук и скитаний. «Ветка сливы в нефритовой вазе!» И я не собираюсь от этого отказываться.

– Ты что, серьёзно? – всё ещё опасаясь какого-нибудь подвоха, произнёс Лаций, но Павел Домициан его уже не слышал.

– Благодарю вас, Купидон и Венера! Я даже не думал, что смогу это... – слепой певец ещё какое-то время возносил хвалу богам, после чего недвусмысленно предался плотским утехам со своей девушкой. При этом, старуха у входа внимательно следила за всем, что происходит у них за перегородкой.

Лаций повернулся к своей служанке. Та уже лежала рядом, прикрыв лицо веером. Сидевшая у стены «надсмотрщица» что-то сказала ей, и та, отложив веер в сторону, стала снимать с Лация длинную рубашку. Ему ничего не оставалось, как помочь ей. Воспользовавшись темнотой и удобным моментом, он успел спрятать нож под циновкой так, чтобы он находился под рукой. После этого Лаций спокойно вытянулся во весь рост и повернулся к молодому юному телу. Так началась его новая жизнь в доме губернатора Бао Ши.

ГЛАВА XV. ШКУРЫ И КАРТЫ – СЛУЧАЙНОЕ ОТКРЫТИЕ

Утром пришёл очередной «очень важный» слуга и сообщил им, что он в этом доме управляющий. Все слуги подчинялись ему. Он должен был одеть и обуть троих римлян, дать им слуг, хотя при этом они всё равно оставались слугами губернатора Бао Ши. Лаций спросил управляющего, что они будут делать. Тот охотно рассказал им, что губернатор через несколько дней покидает столицу и едет на юго-запад провинции, чтобы посмотреть место для нового города.

– Ты, Ла Цзы, будешь там помогать ему строить город, твой слепой друг будет помогать тебе песнями, а юный Зе Ной – работать вместе с остальными. Такова воля губернатора, – как ни в чём не бывало произнёс «важный человек».

– А море там рядом есть? – спросил Лаций.

– Море? Ха, какое море? Нет, там нет моря. Зачем оно тебе? Там много рек. Хороших рек. Не таких опасных, как Большая Жёлтая Река. Они не заливают города. Там хорошо.

– А до моря оттуда далеко? – снова поинтересовался он, и управляющий растерянно посмотрел на остальных слуг и слепого певца, как бы ища у них подтверждения в том, что он уже всё ясно объяснил.

– Нет, мой друг спрашивает, ведут ли эти реки к морю, – пришёл на помощь Павел Домициан.

– А-а... Этого не знаю. До моря тридцать дней пути, – покачал головой самый главный слуга в доме и достал чёрно-белые палочки. – Да, тридцать три дня пути на лошади, – гордо добавил он, что-то посчитав.

До отъезда Лаций ходил с управляющим по дому и задавал вопросы о том, как строится дом, из чего, какие есть инструменты и где берут воду. Тот всё охотно объяснял. Особенно удивило Лация то, что пол в доме всегда располагался над землёй на расстоянии двух локтей, чтобы его не могли затопить растекавшиеся реки. А ещё ночью нельзя было выходить из дома. Полы в коридорах всегда делали так, чтобы они скрипели и можно было услышать врага, который попытался бы проникнуть внутрь незамеченным. Для нужды в ночное время использовались невысокие кувшины, которые утром из комнат выносили специальные слуги.

– Почему бы не сделать дырки в полу? – наивно спросил Лаций.

– Тогда через неделю ты не сможешь там спать, – улыбнулся в ответ управляющий. – Плохой запах! И мухи, мухи будут. Так нельзя. Это плохо!

Павла Домициана до отъезда видно не было. Он пользовался такой популярностью у всех жителей дома, что пел для них почти весь день – с восхода и до заката. Иногда его приглашали к госпоже, но она всегда сидела за ширмой, и Павел с Зеноном исполняли ей те песни, которые пели для красавицы Минфэй.

Судя по рассказам Павла и его впечатлениям, жена губернатора Бао Ши хотела быть похожей на неё. Лаций пытался собрать побольше сведений о том месте, куда они поедут, так как опасался, что там может не оказаться ни карт, ни людей. Однако во всём доме губернатора не было ни одного человека, который имел бы понятие о картах и мог бы вообще показать, в какой стороне находится та часть провинции, куда они собирались ехать.

Как ни странно, но полезней других оказалась служанка, которая была родом из деревни того уезда. Её отец был рыбак, и она могла рассказать о реках, на которых тот ловил рыбу. Узнав это, Лаций стал чаще проводить с ней время возле кузницы, где на земле было много песка и легче было рисовать реки. За день до отъезда они сидели там, и снова разговаривали о дорогах и реках. Лаций уже неплохо представлял себе их расположение, количество деревень

вокруг этого места и расстояние до столицы империи Хань. Оставалось только попробовать найти кусок кожи или ткани, на котором можно было всё это нарисовать.

Лаций уже собирался спросить об этом девушку, когда услышал невдалеке знакомый голос. Где-то совсем рядом охал и постанывал Павел Домициан. Обойдя кузницу, он увидел необычную картину: на досках лежал совершенно голый слепой певец, а рядом с ним сидела его служанка. С другой стороны суетился маленький сухошавый ханец с пучком тонких палочек в одной руке и небольшой пиалой – в другой. Он окунал один конец длинной иголки в какую-то жидкость, а затем осторожно втыкал её в тело несчастному Павлу. Тот вскрикивал от боли и просил богов послать ему терпение.

– Цэкус, у тебя, что, болит голова? – с иронией спросил Лаций, догадавшись, что Павел решил вылечиться от какой-то болезни. Они уже не раз слышали и видели, как ханьцы вкалывают иглы в тело, считая, что так можно избавиться от любого недомогания.

– Надеюсь, боги простят меня за это. Не надо было соглашаться, – сквозь зубы простонал Домициан.

– Шутишь? Ты приносишь в себя в жертву богам? – Лацию стало весело. Он не мог себе представить, какая беда могла заставить его друга раздеться догола и добровольно согласиться на такие мучения. – Может, ты хочешь погадать на собственной печени?

– О, нет! Только не это! Не шути так! – резко поменял интонацию Павел. – Я знаю, это выглядит странно, но... не настолько, чтобы приносить меня в жертву богам! Я только... – он замялся и снова сцепил зубы, получив иглу чуть ниже пупка. – Эта женщина сказала, что может помочь мне... как бы тебе сказать...

– Ты точно болен! – рассмеялся Лаций.

– Нет, не болен. Просто она так много умеет, а мне не хватает терпения, чтобы познать все её способности за одну ночь.

– А-ах, вот оно что! Феб ты ханьский! – ещё больше развеселился Лаций. – Тебе мало любовных утех с этой девушкой? Цэкус, Цэкус, ты ведёшь себя, как ребёнок. Я понимаю, если бы Зенон занимался этим, но ты...

– Зенону это ещё не надо, он молод, – недовольно пробурчал Домициан. – А мне нечего терять. Она сказала, что так делают многие мужчины и ночь длится до самого утра.

– Смотри, как бы боги не лишили тебя этой силы вообще, – покачал головой Лаций. Он вернулся в дом и попытался узнать, где можно взять кусок тонкой кожи. Но это оказалось невозможным.

Позже управляющий объяснил ему, что тонкая кожа была большой ценностью и хранилась у писаря в сундуке под замком. Любой текст, написанный на ней или на бумаге, считался священным, и никто не мог сжечь его без особого разрешения. Лаций вспомнил слова евнуха, который сказал, что Минфэй не может написать своё послание на бумаге. Она понимала, что такие слова не должен был видеть никто, а сжечь их не позволял закон, считавший каллиграфию священной.

Вечером он пришёл в комнату чуть позже, чем обычно, и застал там плачущего Павла Домициана, над которым снова колдовал сухонький старичок с иголками

– Что случилось? У тебя не получается превратиться в молодого жеребца? – смеясь, спросил Лаций.

– О, боги, я знаю, что потребовал невозможного, но я слаб, я никогда в жизни не просил ничего лишнего. Я всегда довольствовался малым и был скромн. Разве я не заслужил хотя бы чуточку снисхождения? Ведь все боги знают, как это приятно быть сильным с женщиной! Почему я не мог попросить того же?

– Хватит причитать! Завтра мы принесём богам жертву, и они вернут тебе твою мужскую силу.

– Ты уверен? – с надеждой спросил Павел. – Подожди... Что ты говоришь? – его голова повернулась к девушке. Она показывала ему, что надо повернуться и лечь на бок. – Ой, как больно! – вскрикнул он, когда очередная игла вонзилась ему в область крестца. – Подожди, подожди! Ты слышишь? – крикнул он лекарю и замахал рукой. – Мне, кажется, становится лучше, – девушка тоже что-то сказала старику с иглами, и тот наклонился над Павлом, чтобы лучше рассмотреть результат.

– Хао, дженг хао, – разобрал Лаций, видя, как старик встаёт и прячет свои иголки в небольшой ящичек. При этом, игла в нижней части спины у Павла покачивалась, как живая. Судя по всему, вынимать её никто не собирался. Лекарь ушёл, и его служанка стала расставлять перегородки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.